

САМЫЙ ОЖИДАЕМЫЙ
РОМАН 2023 ГОДА

ТИХАЯ КВАРТИРАНТКА

Я живу здесь,
пока мне
позволяют.

В смысле, пока
меня оставляют
в живых...

КЛЕМЕНС МИШАЛЬОН

Клеменс Мишальон
Тихая квартирантка
Серия «Главный триллер года»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70278334
ISBN 978-5-04-198694-0

Аннотация

МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ
САМЫЙ ОЖИДАЕМЫЙ РОМАН 2023 ГОДА
ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РОМАНОВ ПО ВЕРСИИ
WASHINGTON POST, VOGUE, NEW YORK POST, APPLE

Учащающий пульс психологический триллер о серийном убийце, рассказанный его близкими: 13-летней дочерью, новой подружкой – и жертвой, которую он пять лет держит на цепи...

Эйдан

Вдовец Эйдан Томас. Его считают идеальным отцом и соседом. Он очарователен, отзывчив и заботлив. Одна лишь Рейчел знает его темную сторону. Эйдан – маньяк, он убил восемь женщин и вот-вот покончит с девятой... с ней.

Рейчел

Пять лет она жила в сарае на заднем дворе, прикованная наручниками к кровати. Никто – даже жена и дочь маньяка – не

подозревали о ее существовании. А после смерти супруги Эйдан переехал в другое место, взяв Рейчел с собой.

Квартирантка

В новом доме он поселил ее в комнате для гостей, где снова приковывал к кровати. Но теперь она может завтракать и ужинать с ним и его тринадцатилетней дочерью Сесилией. Та считает Рейчел квартиранткой, переживающей трудные времена. О, как это верно...

Дочь маньяка

Постепенно между пленницей и Сесилией – замкнутым подростком – возникает симпатия, почти дружба. Рейчел понимает: если представится случай сбежать, девочку она здесь не оставит.

Новая жертва

Но тут Эйдан встречает Эмили, юную работницу бара. В любой момент эта девушка может стать его новой жертвой. А Рейчел ждет печальная участь...

«Высококласный психологический триллер... с развязкой, от которой белеют костяшки пальцев». – *The New York Times Book Review*

«Клеменс Мишальон написала классику... Дерзко и полностью удовлетворяюще». – Джеймс Паттерсон

«Необыкновенный и совершенно оригинальный дебют. Мишальон создала шедевр. Не могу дождаться, чтобы узнать, что она сделает дальше!» – *Виктория Селман*

«Клеменс Мишальон сумела переосмыслить роман о серийном убийце, передав все возможное психологическое напряжение, при этом рассказав историю о женщинах – тех, кто не распознал зло внутри другого человека, тех, кто смирился или продолжал

сражаться, но все равно погиб, тех, кто действительно мог выжить». – *Алафэр Бёрк*

«Роман Мишальон – это настоящий троянский конь. Кажется, что центром повествования являются опасный мужчина и его преступления, но в ловких руках автора роман вскоре раскрывается как история женской силы, хитрости и глубины». – *Меган Эбботт*

«Это совершенно блестящий, невероятно вкусный и захватывающий триллер... Мишальон превосходит все ваши ожидания. Книга абсолютно хороша. И концовка убийственная!» – *Брэд Тор*

Содержание

Клеменс Мишальон	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	67
Глава 12	74
Глава 13	75
Глава 14	92
Глава 15	96
Глава 16	104
Глава 17	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Клеменс Мишальон

Тихая квартирантка

Clémence Michallon

THE QUIET TENANT

Clémence Michallon (c) 2021. This edition published
by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление А. Рысухиной

© Петухова. Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Тайлеру

Но волк, увы, чем кажется скромней,

Тем он всегда лукавей и страшней!

Шарль Перро. «Красная Шапочка»

Глава 1

Женщина в сарае

Ты предпочитаешь думать, что все женщины кому-то принадлежат, – и он достался тебе.

Так проще. Если никто не свободен. В твоём мире нет места для людей извне. Ты гонишь прочь мысли о ветре, играющем в их волосах, о солнце на их коже.

Он приходит вечером. Отпирает сарай. Приносит на подошвах ботинок опавшие листья. Закрывает за собой дверь, возвращает задвижку замка на место.

Гляньте на него: молодой, сильный, ухоженный. Ты вспоминаешь день вашей встречи, тот краткий миг, перед тем как он открыл свою истинную сущность. Вот его образ: мужчина, который знаком со всеми соседями. Который всегда вовремя сдает вторсырье. Который стоял в родильной палате при появлении на свет своего ребенка: надежный щит против злых сил. Завидев его в очереди в супермаркете, мамочки вручают ему малышкой со словами: «Не подержите минутку, я забыла молочную смесь, сейчас вернусь».

И вот он здесь, теперь твой.

Все подчинено строгому распорядку.

Он окидывает тебя взглядом, словно проводя опись. Ты на месте. Две руки, две ноги, туловище, голова.

Вздых.

Приступая к вашему совместному ритуалу, он наклоняется отрегулировать электрообогреватель или вентилятор, в зависимости от времени года. Его мускулы постепенно расслабляются.

Ты протягиваешь руку за пластиковым контейнером, над которым поднимается горячий пар. От обжигающей лазаньи, картофельной запеканки, жаркого из тунца – чего угодно – на небе вскакивают волдыри.

Он дает тебе воду. Всегда во фляжке, никаких стаканов. Ничего бьющегося и острого. От ледяной жидкости зубы пронзает электрический разряд. Но ты пьешь, потому что сейчас время пить. Во рту остается привкус металла.

Ты справляешь нужду в принесенное ведро, давно позабыв о смущении. Он забирает отходы твоей жизнедеятельности и ненадолго выходит. Снаружи доносится глухой звук шагов по земле, плещет струя из шланга. Он возвращается с чистым ведром, наполненным мыльной водой.

Наблюдая за тем, как ты моешься, он поочередно протягивает предметы: кусок мыла, пластиковую расческу, зубную щетку, маленький тюбик пасты. Раз в месяц – шампунь от вшей. Твое тело – нескончаемый источник неприятностей, от которых он тебя ограждает. Твоя физическая оболочка принадлежит ему, ты – всего лишь гостя. Каждые три недели он извлекает из кармана маникюрные ножницы. Ждет, пока ты приведешь себя в презентабельный вид, после чего

забирает их. Всегда. И так год за годом.

Ты одеваешься. Бессмысленное занятие, с учетом того, что произойдет далее, но решать ему. Он – тот, кто расстегивает молнии, пуговицы, снимает одежду. Очевидно, в противном случае система даст сбой.

Ты не собиралась изучать географию его тела, но все равно выучила. Родинку на плече. Дорожку волос внизу живота. Руки, хватку пальцев. Горячую ладонь, смыкающуюся на твоей шее.

В процессе он никогда не смотрит на тебя. Дело не в тебе. Дело во всех женщинах и девушках. Дело в нем, в его воспаленном сознании.

Когда все кончено, он не задерживается. У него своя жизнь, свои обязанности. Семья, дом. Проверка школьных заданий. Просмотр кино. Ему надо ублажать жену и укладывать в постель дочь. Целый список дел поважнее твоего ничтожного существования, и напротив каждого пункта необходимо поставить галочку.

Но не сегодня.

Сегодня все иначе. У тебя на глазах этот свехосторожный мужчина, который всегда просчитывает шаг за шагом, нарушает свои правила.

Он поднимается, упираясь ладонями в деревянный пол, чудом не посадив ни единой занозы. Затягивает на животе ремень, придавливая металл пряжки к упругой плоти.

– Слушай, – говорит он.

Ты настораживаешься, вся внимание.

– Ты здесь уже довольно долго.

По его лицу нельзя ничего прочесть. Он немногословен, его черты непроницаемы.

– К чему ты клонишь?

Он застегивает молнию на толстовке до самого подбородка.

– Мне придется переехать.

И вновь ты вынуждена спросить:

– Что?

У него на лбу пульсирует жилка. Ты его раздражаешь.

– В новый дом.

– Почему?

Он хмурится. Открывает рот, словно хочет что-то сказать, затем передумывает.

Не сегодня.

Когда он идет к выходу, ты стараешься поймать его взгляд. Хочешь, чтобы он упивался твоей растерянностью, немymi вопросами. Чтобы почувствовал удовлетворение оттого, что оставляет тебя в неизвестности.

Первое правило выживания в сарае: он всегда выходит победителем. За пять лет ты в этом убедилась.

Глава 2

Эмили

Знает ли Эйдан Томас, как меня зовут? Понятия не имею. Даже если нет, я не в обиде. Есть вещи поважнее, чем запоминать имя девушки, которая дважды в неделю наливает ему вишневую колу.

Эйдан Томас не пьет спиртное. Красивый непьющий мужчина – та еще задачка для бармена, но для меня самое ценное не выпивка, а доверие людей, приходящих провести часик-другой в моем баре.

Эйдан Томас чувствует себя здесь не в своей тарелке. Он как олень, который застыл на обочине и ждет, пока вы проедете мимо, готовый удрать, если к нему проявят излишний интерес. Поэтому я жду, когда он сам подойдет. Каждый вторник и четверг. В море завсегда таево он единственный, кого я хочу видеть.

Сегодня вторник.

С семи часов я поглядываю на дверь. Одним глазом высматриваю его, другим слежу за кухней – за старшей официанткой, сомелье и полным придурком шеф-поваром. Мои руки двигаются на автопилоте. Один «Сайдкар»¹, один

¹ «Сайдкар» – коктейль из коньяка, апельсинового ликера и свежего лимонного сока.

«Спрайт», один виски с колой. Дверь открывается. Это не он, а женщина из-за столика на четверых, которая выходила перегнуть машину на другое место. Одна содовая с биттером. Новая соломинка для ребенка за дальним столиком. Сообщение от старшей официантки: «четверке» не понравились макароны. То ли холодные, то ли слишком пресные – не очень понятно. Однако претензии есть, и Кора не намерена терять чаевые из-за неисправного подогревателя. Я успокаиваю Кору. Прошу передать поварам, чтобы заменили макароны и добавили что-нибудь бесплатно в качестве извинения. Или пусть Софи, наш пекарь, пришлет десерт, если «четверка» из разряда сладкоежек. Что угодно, лишь бы их заткнуть.

Ресторан – ненасытное чудовище, черная дыра потребностей. Отец не спрашивал моего мнения; просто решил, что я вольюсь в дело. А потом умер. Как и все шеф-повара, прожил жизнь в запаре и хаосе, а мне оставил собирать осколки.

Я зажимаю виски двумя пальцами в попытке отогнать панику.

Возможно, дело в погоде: первая неделя октября, ранняя осень, но дни становятся короче, холодает. Возможно, причина в другом. Просто сегодня каждая неудача воспринимается острее.

Дверь открывается.

Это он.

У меня на душе светлеет. Радость переливается через

край. Я чувствую себя ничтожной, капельку похотливой и, вероятно, полной дурой. Однако это самое приятное ощущение, которое дарит работа в ресторане, и я только за. Дважды в неделю я обеими руками за.

Эйдан Томас молча сидит в моем баре. Мы не разговариваем, за исключением обычных любезностей. Все па в этом танце хорошо нами изучены. Стакан, кубики льда, барный пистолет, бумажный костер; на картоне старинным курсивом написано «Амандин». Одна вишневая кола. Один довольный мужчина.

– Спасибо.

Я коротко улыбаюсь и нахожу занятие рукам – ополоснуть шейкер, расставить баночки с оливками и лимонными дольками. В перерывах украдкой поглядываю на Эйдана. Я выучила его наизусть, как стихотворение, которое никогда не надоедает: голубые глаза, темно-русые волосы, ухоженная борода. Морщинки вокруг глаз говорят о прожитых годах. О том, что он любил и потерял. Его руки: одна лежит на стойке, другая держит стакан. Уверенные. Сильные. Многие повидавшие.

На стойку облакачивается Кора.

– Эмили.

– Что еще?

– Ник говорит, филе нужно списать.

Я сдерживаю вздох. Кора не виновата в капризах Ника.

– И почему же?

– Говорит, нарезка не годится и время готовки ни к черту. Я неохотно перевожу взгляд с Эйдана на Кору.

– Я его не оправдываю, – добавляет она. – Просто... он просил передать.

В любое другое время я бы вышла из бара и сама разобралась с Ником. Но он не лишит меня этих минут.

– Скажи, что сообщение получено.

Кора ждет продолжения. Она не хуже моего знает, что Ник не удовлетворится «полученным сообщением».

– Передай ему, если будут жалобы на филе, я разберусь с ними лично. Обещаю взять всю вину на себя. Филегейт² войдет в историю. И скажи, что сегодня все в восторге от еды. Пускай меньше беспокоится о филе и больше – о выдаче, раз уж его парни присылают холодные блюда.

Кора поднимает ладони – мол: «Хорошо, хорошо» – и направляется обратно в кухню.

На этот раз я позволяю себе вздохнуть. Я уже готова взяться за пару бокалов для мартини, которые нуждаются в полировке, как вдруг чувствую пристальный взгляд Эйдана.

Он поднял глаза от стойки и слегка улыбается.

– Филегейт?

Черт. Он слышал. Я выдавливаю смешок.

– Извини за сцену.

² Суффикс «-гейт» (англ. – *gate*) стал употребляться для названия громких скандалов после Уотергейта – политического скандала в США в 1972–1974 гг., повлекшего отставку президента.

Он делает глоток вишневой колы и качает головой.

– Не извиняйся.

Улыбнувшись в ответ, я переключаю внимание на бокалы для martinis, на сей раз по-настоящему. Краем глаза вижу, как Эйдан допивает колу. Наш танец возобновляется: наклон головы, счет, краткий взмах рукой на прощание.

Вот и закончилась лучшая часть моего дня.

Я забираю счет Эйдана – два доллара чаевых, как всегда – и пустой бокал. Только вытирая стойку, замечаю нарушение, перемену в нашем хорошо отрепетированном па-де-де.

Бумажная подставка, которую я сунула под стакан. Сейчас самое время выкинуть ее в мусорную корзину, но я не могу найти подставку.

Может, упала? Обойдя стойку, оглядываю пол у барного стула, на котором Эйдан сидел всего несколько минут назад. Ничего.

Очень странно, однако факт остается фактом. Подставка исчезла.

Глава 3

Женщина в сарае

Он привел тебя сюда.

Ты рассмотрела его владения урывками, брошенными украдкой взглядами. Ты годами прокручивала эти образы в голове, деталь за деталью. Дом в центре участка. Зеленая трава, ивы. Все растения подстрижены, листочек к листочку. Отдельный гараж, амбар, стойка для велосипедов, рассредоточенные по территории, словно кексы на блюде. Змеящийся между ветвей высоковольтный кабель. Ты выяснила, что этот мужчина живет в красивом и спокойном месте, где полагается играть детям и расти цветам.

Он быстро шагал по тропинке вверх по склону. Дом скрылся из виду, сменившись бесконечной чередой деревьев. Наконец он остановился перед сараем: четыре серых стены, односкатная крыша. Никаких окон. Вокруг не за что уцепиться, не к кому воззвать. Он взялся за металлический навесной замок, выбрал ключ из связки.

Внутри тебе объяснили правила нового мира.

– Тебя зовут Рейчел.

Он сжал твое лицо в ладонях так, что поле зрения ограничивалось его пальцами. Даже стоя на коленях, он все равно возвышался над тобой.

Тебя звали не Рейчел. Он знал настоящее имя. Видел в твоём водительском удостоверении, когда забрал бумажник.

Но он сказал «Рейчел», и было жизненно необходимо принять сей факт. То, как он это произнес, раскатистость его «р» и окончательность «л». Рейчел представляла собой чистую страницу без прошлого, куда можно вернуться. Рейчел могла выжить в сарае.

– Тебя зовут Рейчел, – заявил он, – и никто не знает, кто ты.

Ты кивнула. С недостаточной готовностью. Отпустив лицо, он схватил тебя за свитер и впечатал в стену, зажав предплечьем шею; запястье впилося в горло.

Воздуха не хватало, кислород закончился. Окружающий мир постепенно мерк, но приходилось слушать.

– Я сказал, – повторил он, – никто не знает, кто ты. Никто тебя не ищет. Тебе на хрен ясно?

Он ослабил хватку. Перед тем как закашляться, захрипеть и все остальное, ты кивнула. Словно сама верила. Словно от этого зависела твоя жизнь.

Ты стала Рейчел.

Ты уже несколько лет Рейчел.

Ты выжила благодаря ей. Благодаря себе.

###

Ботинки, сухие листья, задвижка. Вздох. Обогреватель.

Все как обычно, за исключением его. Сегодня он торопится, будто оставил кастрюлю на плите. Ты еще не прожевала последний кусочек куриного пирога, а он уже забирает контейнер.

– Пошевеливайся. Я здесь не на всю ночь.

Его спешка не продиктована желанием. Он просто перематывает наскучившие отрывки песни – тебя.

Он не снимает одежду. Молния толстовки впивается тебе в живот. Прядь волос цепляется за браслет его часов, он отдергивает запястье. Кожу головы обжигает боль. Все осязаемо, все реально, даже если он похож на призрак самого себя.

Тебе нужно, чтобы он был здесь. С тобой. Спокойный, расслабленный.

Тебе нужно его разговорить. После того как.

Наконец ты вновь в одежде.

Когда он собирается уходить, ты откидываешь рукой волосы. Уловка, которую ты использовала на свиданиях: локоть в байкерской куртке на столе, несколько серебряных подвесок дополняют белую футболку.

Время от времени кусочки прошлой жизни всплывают в памяти, и порой это помогает.

– Знаешь, я за тебя беспокоюсь, – говоришь ты.

Фырканье.

– Правда. В смысле... мне просто любопытно, вот и все.

Хмыкнув, он засовывает руки в карманы.

– Возможно, я чем-нибудь помогу, – предлагаешь ты. –

Найду способ остаться.

Он усмехается, однако не делает шагов к двери. Ты на верном пути. Ты уверяешь себя, что это путь к победе.

Иногда он с тобой разговаривает. Нечасто и всегда с неохотой, но все-таки. Порой в его словах бахвальство, порой – признание. Наверное, потому он тебя и оставил: ему необходимо делиться определенными вещами, а ты единственная, кто может выслушать.

– Если расскажешь, в чем дело, возможно, я что-нибудь придумаю.

Он сгибает колени, наклоняется к твоему лицу. Его дыхание пахнет мятой. Теплая шершавая ладонь ложится на твою скулу. Кончик большого пальца слегка вдавливается в глазницу.

– Если расскажу, ты что-нибудь придумаешь, так?

Он окидывает тебя взглядом, от лица до ступней. С отвращением. С презрением. Но всегда – и это важно – с капелькой любопытства. Что он может с тобой сделать? Что сойдет ему с рук?

– Да что ты вообще знаешь? – Он проводит пальцем по нижней челюсти, ноготь царапает подбородок. – Тебе хотя бы известно, кто ты?

Да. Как молитва, как мантра. «Ты Рейчел. Он нашел тебя. Ты знаешь только то, чему он тебя научил. У тебя есть только то, что он тебе дал». Цепь на щиколотке, приделанная к стене. Спальный мешок. На перевернутом ящике – предме-

ты, которые он принес за минувшие годы: три книги в мягких обложках, бумажник (пустой), мячик для снятия стресса (ей-богу). Набор случайных вещей. Вероятно, отнятых этим мужчиной-сорокой у других женщин.

– Я нашел тебя. Ты заблудилась. Я дал тебе крышу над головой. Я сохраняю тебе жизнь. – Он кивает на пластиковый контейнер. – Знаешь, кем бы ты была без меня? Никем. Ты была бы мертва.

Он опять встает. Щелкает суставами пальцев, одним за другим.

Ты – ничто. Тебе это известно. Но в сарае, в этой части его жизни, ты – все, что у него есть.

– Она умерла, – говорит он, будто пробуя, как звучат слова. Затем повторяет: – Умерла.

Ты понятия не имеешь, о ком речь, пока он не добавляет:

– Ее родители продают дом.

И тут до тебя доходит.

Его жена.

Тебя захлестывает поток мыслей. Ты хочешь сказать то, что обычно говорят воспитанные люди: «Мои соболезнования». Спросить, когда и как.

Интересно, *он* это сделал? Сорвался наконец-таки?

– Поэтому нам придется переехать.

Он мерит шагами сарай, насколько позволяет пространство. Вздвонован, что на него не похоже. Но тебе не до эмоций. Нет времени гадать, его ли это рук дело. Если и так, ка-

кая разница? Тебе известно, что он убийца.

Взамен ты усиленно соображаешь. Напрягаешь атрофированные извилины, отвечавшие за решение проблем в обычной жизни. Извлекаешь на свет себя прежнюю, которая помогала друзьям, родным. Но все заглушает единственная мысль: если он уедет – покинет свои владения, этот дом, – ты умрешь. Если только не убедишь взять тебя с собой.

– Сожалею, – говоришь ты ему.

Ты постоянно сожалеешь. О смерти его жены. О том, что на него обрушились все несчастья мира. Что он связался с тобой, беспомощной женщиной, которая вечно хочет есть, пить, мерзнет и сует нос в чужие дела.

Второе правило выживания в сарае: он всегда прав, а тебе всегда жаль.

Глава 4

Эмили

Он возвращается по вторникам и четвергам. Надежный и многообещающий, как сорокатрехградусный виски.

Эйдан Томас снимает серую ушанку, волосы топорщатся взъерошенными перьями. Сегодня он со спортивной сумкой из зеленого нейлона, вроде тех, что продаются в магазинах амуниции. Ноша увесистая, ремешок врежется в плечо.

За ним хлопает дверь. Я вздрагиваю. Обычно он аккуратно придерживает ее за ручку.

Эйдан идет к бару, не поднимая головы. Походка тяжелая, не только из-за вещмешка.

Его что-то гнетет.

Он запихивает шапку в карман, приглаживает волосы, бросает сумку у ног.

– «Манхэттены» готовы? – привлекает мое внимание Ко-ра.

Я отправляю по стойке два напитка. Когда она удаляется, Эйдан вскидывает на меня глаза.

– Что тебе предложить?

В ответ – вымученная улыбка.

– Значит, как обычно. – Я беру барный пистолет, и тут меня озаряет идея. – Или могу сделать кое-что другое, если

хочешь немного взбодриться.

С отрешенностью во взгляде Эйдан хрипло усмехается.

– Все настолько очевидно?

Я невозмутимо пожимаю плечами, как будто ничего особенного не происходит.

– Замечать – моя работа.

На заднем плане жестикулирует Эрик, описывая специальные предложения столику на четверых. Клиенты внимают с открытыми ртами. Эрик – прирожденный шоумен. Знает, как заслужить расположение своих столиков и всего несколькими фразами увеличить чаевые на два-пять процентов.

Милый Эрик... Друг, который остался другом, когда я превратилась в его босса. Тот, кто меня поддерживает. Каким-то чудом верит в мою способность управлять этим заведением.

– Давай кое-что попробуем.

Я быстро протираю стакан для виски. Эйдан Томас поднимает брови. Происходит что-то необычное, новое. Он не уверен, нравится ли ему. Какого черта я тут устроила, когда он хотел только свою вишневую колу?

– Скоро вернусь.

Я стараюсь идти как можно непринужденней. За распашной дверью Ник склонился над четырьмя тарелками сегодняшнего фирменного блюда – свиной отбивной в панировке с картофельным пюре и соусом из бекона и зеленого лука.

«Просто и вкусно, – объяснил он. – Люди хотят знать, что у них на тарелке, но приходят сюда не за обычной домашней едой». Как будто сам додумался. Вообще-то отец начал вдавливать это мне в голову еще прежде, чем я научилась ходить. «Здоровое питание по привлекательной цене, – говорил папа. – Мы обслуживаем не только приезжих. Они здесь лишь по выходным, а вот местные приходят всю неделю. Мы работаем в первую очередь для них».

Из кухни навстречу мне идет Эрик с тремя тарелками в левой руке. Увидев Эйдана через распашную дверь, он притормаживает и одаривает меня легкой ухмылкой. Сделав вид, что не заметила, я подхожу к холодильнику.

– Остался еще после обеда чай с бузиной?

Тишина. Все либо увлечены работой, либо игнорируют меня. Юванда, третий мушкетер в моем трио, наверняка в курсе, но она в зале. Вероятно, перечисляет плюсы и минусы «Гевюрцтраминера» по сравнению с «Рислингом». Продолжив поиски, я наконец обнаруживаю кувшин за емкостью с пахтой. На порцию хватит. Отлично.

Спешу обратно. Эйдан ждет, положив ладони на стойку. В отличие от большинства он не тянется за мобильником, едва оставшись один. Он умеет побыть наедине с собой, знает, как обрести в одиночестве покой, если не утешение.

– Прости, что заставила ждать.

Под его зорким наблюдением я бросаю в стакан кусочек сахара. Добавляю дольку апельсина, немного ангостуры, ку-

бик льда, чай и перемешиваю. Ложечкой (ибо ничто так не губит впечатление, как полиэтиленовые перчатки) выживаю коктейльную вишенку из банки.

– Вуаля.

Эйдан улыбается моей чересчур наигранной французской интонации. У меня внутри разливается тепло. Я толкаю стакан к нему. Он подносит к лицу, нюхает. Мне с ослепительной очевидностью приходит в голову: я ведь понятия не имею, что этот мужчина любит пить, кроме вишневой колы.

– Что это?

– «Девственный Олд Фэшн»³.

Он усмехается.

– Девственный? Пожалуй, не лишено смысла.

У меня пылают щеки. Я проклинаяю свое тело. Скулы краснеют при одном лишь намеке на секс, от ладоней на столешнице остаются влажные отпечатки.

Эйдан делает глоток, избавляя меня от необходимости придумывать остроумный ответ, причмокивает и ставит стакан.

– Неплохо.

У меня на миг подгибаются колени. Надеюсь, он не видит, как мои плечи, лицо, пальцы, каждый мускул расслабились от облегчения.

– Рада, что тебе нравится.

³ Безалкогольная версия коктейля «Олд Фэшн» (*англ.* Old Fashioned – «старомодный»).

Стук ногтей по стойке слева от меня. Кора. Ей нужен мартина с водкой и «Беллини». Я наполняю льдом бокал, оборачиваюсь в поисках открытой бутылки шампанского.

Эйдан Томас вращает кубик льда на дне стакана. Делает маленький глоток и снова крутит стакан. Прекрасный человек, который столько сделал для нашего города. Который месяц назад потерял жену. В одиночестве сидит в моем баре, хотя и не пьет. Возможно, он находит утешение в этой привычке, после того как в его жизни разверзлась пропасть. Надеюсь, наше совместное молчание, наш безмолвный ритуал тоже что-то для него значит.

У каждого в городе есть история, связанная с Эйданом Томасом. Например, у детей, которых он выручал за считанные мгновения до рождественского парада: появлялся с поясом для инструментов на талии и чинил поломанные санки или рога северного оленя.

А два года назад, когда в разгар страшной бури на дом старика Макмиллана упало дерево, Эйдан привез генератор на то время, пока восстанавливал линию электропередачи. Весь следующий месяц он приезжал каждые выходные чинить крышу. Мистер Макмиллан пытался ему заплатить, но Эйдан не взял денег.

В моей семье история с Эйданом Томасом произошла, когда мне было тринадцать. У отца в разгар вечерней смены перегорел холодильник. Не помню подробностей, а может, так и не удосужилась их выяснить. Обычная история – неис-

правный мотор, электрозамыкание. Папа чуть с ума не сошел, ломая голову, как все починить, не останавливая работу на кухне. Симпатичный мужчина, обедавший с женой, услышал и предложил помощь. Отец колебался. Затем, плюнув на свои правила, пустил клиента в кухню. Эйдан Томас провел большую часть вечера на коленях, вежливо прося инструменты и успокаивая измученный персонал.

К моменту окончания ужина холодильник уже всю морозил. Отец предложил Эйдану Томасу и его жене по стакану грушевого бренди. Оба отказались: он не пил, а она была на раннем сроке.

В тот вечер я работала на подхвате – типичный ребенок владельца ресторана. Когда пошла к стойке администратора наполнить вазочку с леденцами, то наткнулась в зале на Эйдана Томаса. Он рылся в карманах пальто, как все клиенты в конце трапезы: отыскивая кошельки, мобильные телефоны или ключи от машины. Из кухни доносился смех отца, страстного шеф-повара с еще более страстным нравом, чей перфекционизм зачастую переходил в нетерпимость. Теперь он наслаждался редкими мгновениями отдыха в собственном ресторане. Близкий к состоянию эйфории, насколько это возможно.

– Спасибо вам за все.

Эйдан Томас поднял голову, словно только что заметил мое присутствие. Мне захотелось поймать слова, повисшие в воздухе, и засунуть обратно в рот. Будучи девочкой, с ранних

лет привыкаешь ненавидеть звук собственного голоса.

Я ждала, что он рассеянно кивнет мне и поспешит на кухню или отшутится, как большинство взрослых. Но Эйдан Томас не походил на других взрослых. Он не походил ни на кого.

Эйдан Томас улыбнулся. Подмигнул. И сказал низким, хрипловатым голосом, от которого у меня екнуло где-то в глубине, в той части, о существовании которой я прежде не подозревала: «Пожалуйста».

Такая малость и столь многое. Элементарная вежливость и бесконечная доброта. Луч света упал на невидимую девочку, выхватил ее из тени и явил взору.

Вот чего мне так недоставало. Вот о чем я не смела даже мечтать.

###

Я наблюдаю, как Эйдан Томас замер, поднеся стакан к губам, и глядит на меня сквозь стекло. Я больше не девочка-невидимка, ждущая мужского внимания. Я женщина, которая только что сама вошла в круг света.

Он протягивает руку. Что-то неуловимо смещается. В нескольких милях под руслом Гудзона происходит тектонический сдвиг. Его ладонь касается моей, подушечка большого пальца задевает внутреннюю сторону запястья. И сердце... Оно даже не бьется, а просто исчезло, исчезло, исчезло,

не в силах этого вынести.

– Спасибо, – говорит Эйдан. – Все было очень... Спасибо. Пожатие. Не поддающийся определению драгоценный импульс от него ко мне.

Он отпускает мою руку и допивает коктейль, запрокинув голову. Шея у него, как и все тело, стройная, мускулистая, движения излучают уверенность.

– Сколько с меня?

Я ополаскиваю пустой стакан за барной стойкой. Занимаю руки, чтобы скрыть, как они трясутся.

– Знаешь, не бери в голову. За счет заведения.

Он достает бумажник.

– Перестань.

– Всё в порядке. Правда. Можешь...

«Можешь угостить меня выпивкой как-нибудь, и мы в расчете». Вот что я сказала бы, если б его жена не умерла пять минут назад. Взамен беру чистую тканевую салфетку и натираю стакан.

– В следующий раз.

Он улыбается, возвращая бумажник в карман, и встает, чтобы надеть куртку. Я поворачиваюсь к полке со стаканом в руке и замираю на полпути. Да, я в панике, у меня пылает лицо, но кое-что произошло. Я рискнула и выиграла. Мы поговорили, и мир не рухнул.

Хватит ли у меня смелости зайти чуточку дальше?

Развернувшись к стойке, я делаю вид, что закручиваю

крышку на банке с маринованным луком.

– Куда ты теперь? – спрашиваю я, как будто перекинуться парой слов для нас обычное дело.

Эйдан Томас застегивает куртку, надевает ушанку и вешает на плечо спортивную сумку, откуда раздается металлическое бряцание.

– Просто куда-нибудь, где смогу немного подумать.

Глава 5

Женщина в сарае

Ты ждешь ужина, брызг тепловатой воды. Чего угодно. Даже скрипа молний на одежде.

Он не приходит.

Пару недель назад он забрал вентилятор и принес обогреватель. Значит, уже осень. Твои воспоминания об этом времени года: короткие дни, темнеет в шесть часов. Ты закрываешь глаза. Представляешь сарай, укрытый среди деревьев. Голые ветви на фоне вечеряющего неба. В отдалении – дом, недоступный твоему взору. Желтые квадраты окон, двор, усеянный оранжевыми листьями. Возможно, горячий чай. Или пончики с яблочным сидром.

Где-то урчит двигатель. Он здесь, в собственных владениях. Живет собственной жизнью. Печется о своих нуждах. Но не о твоих. Ты ждешь и ждешь, а он все не приходит.

В попытке избавиться от мук голода ты медитируешь. Листаешь книги, которые он от случая к случаю приносил в сарай. «Оно» Стивена Кинга. «Дерево растет в Бруклине»⁴ в потрепанной мягкой обложке. «Любит музыку, любит танцевать» Мэри Хиггинс Кларк. Томики, побывавшие в чьих-то руках. Загнутые страницы, примечания на полях. Однажды,

⁴ Полуавтобиографический роман американской писательницы Бетти Смит.

давным-давно, ты спросила, его ли это книги. Он мотнул головой. Значит, очередные трофеи. Вещи, отнятые у тех, кому не повезло, в отличие от тебя.

Ты садишься на корточки в углу сарая. Раз он не приносит ведро, выбора нет. Он придет в ярость, если вернется. Наморщит нос, бросит тебе бутылку с хлоркой. «Начинай тереть и не останавливайся, пока я не перестану чувствовать запах».

Ты стараешься отогнать тревогу, потому что тревога мешает оставаться в живых.

###

Он исчезал и раньше, но не так. Через девять месяцев первого года мужчина, который держит тебя в сарае, сказал, что ему необходимо отлучиться. Он принес ведро, коробку батончиков с мюсли и упаковку маленьких бутылок с водой.

– Мне нужно уйти. – Не «хочу». Не «должен». «Мне нужно». – Не делай глупостей. Не вздумай сбежать или кричать. Я знаю, ты не станешь.

Он встряхнул тебя за плечи. Ты покачнулась, ощутив мимолетное желание уцепиться за его руки. Обрести поддержку. «Ты Рейчел. Он нашел тебя. Ты знаешь только то, чему он тебя научил. У тебя есть только то, что он тебе дал».

– Если что-нибудь выкинешь, я узнаю. И тебе не поздоровится. Понятно?

Ты кивнула. К тому времени ты научилась кивать убедительно.

Он отсутствовал три дня и вернулся счастливейшим человеком на земле. Его шаг пружинил, тело казалось наэлектризованным. Он дышал глубоко и жадно, словно воздух никогда не был слаще.

Он не походил на того мужчину, которого ты знала. Человека долга и обязательств.

Он сделал то, за чем пришел. Окрыленный. Слегка ошалелый.

Потом он рассказал тебе. Немного. Что она не сопротивлялась. Она была *идеальна*. До последнего не догадывалась, а когда поняла, стало уже слишком поздно.

Это случилось опять в аккурат перед прошлым Днем благодарения. Ты знала дату, потому что он принес остатки с праздничного стола. Как и в предыдущие годы. Интересно, он в курсе, что именно так ты следишь за временем? Вряд ли он об этом задумывался.

Итого две. Он убил двух, тогда как ты еще жива. Две добавлены к правилу, из которого ты стала исключением.

Прежде, покидая тебя, он готовился. На сей раз он ничего не принес. Забыл? Ушел с головой в другой проект?

###

Без его визитов трудно считать дни. Ты вроде бы слы-

шишь, как он уезжает утром и возвращается вечером, но не уверена. Тело диктует тебе, когда спать и когда пробуждаться. Ты прикладываешь ладонь к стене в надежде почувствовать тепло солнца и холод ночи. По твоим оценкам, проходит один день, затем другой.

К концу второго дня у тебя во рту наждачная бумага, в голове носятся летучие мыши. Ты сосешь пальцы, пытаешься выработать слюну, облизываешь стену сарая в поисках конденсата – что угодно, лишь бы утолить жажду. Вскоре ты просто тело, череп, позвоночник, таз и ступни, лежащие на деревянных досках. Кожа липкая, дыхание затруднено.

Возможно, он переоценил твою выносливость. Возможно, он убьет тебя, сам того не желая. Вернется, откроет сарай и обнаружит, что ты холодна и безмолвна, какой тебе и следует быть.

На третий, по твоей прикидке, день гремит замок. Силуэт в дверном проеме, в одной руке ведро, в другой бутылка. Сейчас бы сесть, выхватить воду, открутить крышку и пить, пить, пить, пока мир не обретет четкость. Но сил нет. Он вынужден подойти, встать на колени рядом, поднести горлышко бутылки к твоим губам.

Ты делаешь глоток. Вытираешь губы тыльной стороной ладони. Он сам на себя не похож. Обычно он следит за своей внешностью. На скулах и шее появляются порезы от бритвы. Волосы пахнут лемонграссом. Зубы белые, десны здоровые. Ты никогда не видела, но готова поспорить, что он тщательно

пользуется зубной нитью по утрам и вечерам, а в довершение – ополаскивателем для рта. Однако сегодня он выглядит помятым. Борода неухоженная. Взгляд рассеянно мечется с одного конца сарая в другой.

– Еда? – хрипишь ты.

Он отрицательно качает головой.

– Она еще не легла. Собирает вещи.

Очевидно, речь о его дочери.

– Значит, ничего нет? Совсем ничего?

Да, ты испытываешь судьбу, но прошло три дня, и теперь, когда жажда отступила, ты чувствуешь сосущую пустоту в животе и боль в спине; тысячи тревожных звоночков сигнализируют о внутренних неполадках.

Он вскидывает ладони.

– Что? Думаешь, я могу разогреть ужин в микроволновке и уйти, а она не задаст вопросов?

Приносимая им еда всегда является частью целого. Порция лазаньи, миска тушеного мяса, центральный кусок запеканки. Блюда, которые могут пропасть без последствий. Гораздо незаметнее, чем треугольник пиццы, целый чизбургер или куриная ножка. Все это время он готовит большими партиями, откладывая часть своей порции. Такой способ позволяет ему держать тебя в секрете.

Он со стоном садится рядом. Ты ждешь, что он расстегнет молнию на твоей кофте, сожмет ладонь на шее. Взамен он тянется к своему поясу. Блеск, вспышка металла.

Ты узнаешь пистолет. Тот самый, который он наставил на тебя пять лет назад, черный пистолет с блестящим глушителем.

Ты напрягаешь пальцы на ногах, словно перед забегом. Острее чувствуешь холод и тяжесть цепи на лодыжке. Она тянет вниз, будто хочет утащить в землю сначала ногу, а потом и тебя целиком.

Сосредоточься. Оставайся с ним.

Его грудь ходит ходуном, глубокие вдохи следуют один за другим. Туман от обезвоживания рассеялся, и ты подмечаешь детали. Он устал, но не измучен. Сбит с толку, но не подавлен. Сам не свой, да, но счастлив.

Как после изнурительной работы, долгой пробежки, подъема в гору.

Или убийства.

Он лезет в карман и роняет тебе на колени какой-то предмет, словно кошка, притащившая дохлую мышь.

Солнцезащитные очки. Дизайнерские, судя по тяжелой оправе и логотипу сбоку. Совершенно бесполезные в сарае, но это не главное. Важно, что они кому-то принадлежали и больше ей не нужны.

Ты чувствуешь его триумф. Безграничное возбуждение после удачной охоты.

Она взывает к тебе. Кем работала эта женщина, чтобы позволить себе такие очки? Каким движением руки она сажала их на нос или на макушку? Интересно, ездила ли она в

них на пассажирском сиденье авто с откидным верхом, тогда как ветер трепал ее распущенные волосы?

Хватит. Не позволяй себе думать о ней. У тебя нет времени на переживания или скорбь.

Его самонадеянность – твой шанс. Сегодня он поверит, что ему все по плечу.

– Слушай, – говоришь ты.

Он забирает очки. Похоже, передумал. Вдруг ты разобьешь линзы, превратишь их в оружие?

– Я тут размышляла... о твоём переезде.

Его мускулы напрягаются. Ты рискуешь испортить ему удовольствие, вернуть к повседневным тревогам, тогда как он хочет продлить кайф насколько возможно.

– Ты мог бы взять меня с собой.

Он вскидывает глаза, издаёт смешок.

– Ну да, – говорит он. – Похоже, ты не понимаешь.

Но ты понимаешь. Тебе известны его сильные и слабые стороны. Он приходит почти каждый вечер – всегда, когда он дома, – и привык к определенным вещам. Ему нравишься не столько ты, сколько иметь тебя в своем распоряжении. Для чего угодно, когда угодно.

Что он станет делать без тебя?

– Я только хотела сказать, мы могли бы по-прежнему видеться. Необязательно все заканчивать.

Он скрещивает руки на груди.

– Я могла бы жить там. – Ты киваешь в сторону двери,

внешнего мира, откуда он тебя забрал и где живут остальные люди. – И никто бы не узнал.

Он растягивает губы в улыбке. Кладет ладонь тебе на затылок. Мягким, спокойным жестом человека, уверенного в своей безнаказанности, гладит тебя по волосам, затем дергает. Достаточно сильно, чтобы причинить боль.

– И, разумеется, – говорит он, – ты беспокоишься только обо мне.

Ты застываешь от его прикосновения.

Отстранившись, он отпирает засов, впускает в сарай холодный вечерний воздух. Снаружи замок возвращается на место. Он идет в дом, к своей дочери, к тому, что у них осталось от света и тепла.

Третье правило выживания в сарае: ты – неотъемлемая часть его мира. Все происходящее касается вас двоих.

Глава 6

Номер один

Он был молод. Я сразу поняла: это его первый раз. Вышло у него скверно. Очень скверно.

Все произошло на территории кампуса, в общежитии. Он действовал так... небрежно. Повсюду кровь. Моя ДНК на нем, его на мне. И отпечатки.

Мы не были знакомы. Я заметила его несколькими неделями ранее. Если долго торчишь поблизости от университета, особенно субботними вечерами, то в конце концов к тебе наверняка подойдет застенчивый старшекурсник. Не знающий, как спросить, когда сунуть деньги.

Большинство из них забывали о стеснении сразу после оплаты. Включали высокомерие, к которому их приучила жизнь. Они были уважаемыми молодыми людьми, а я брала пятнадцать долларов за минут.

От него я не ждала ничего подобного. Слишком молодой, слишком жалкий. Понятия не имел, как действовать.

Похоже, он удивился, что я люблю читать. Обычно ребятам такое не приходило в голову. Но я любила. Помечала отрывки, которые заставляли думать, и загибала страницы, находившие во мне отклик. Тем вечером на приборной панели моего пикапа лежали две книги в мягких обложках: «Оно»

и триллер «Любит музыку, любит танцевать». Помню их обе, потому что так и не узнала, чем они закончились.

Он подождал, пока я снова надену топ. Его рука метнулась к моей шее. Он словно бросал вызов самому себе. Как будто знал, что если не решится теперь, то не решится никогда.

Он широко распахнул глаза. Мои закрылись. На его лице застыло изумление: неужели он действительно смог и мое тело отреагировало должным образом? Неужели и правда, если сжать чье-то горло с достаточной силой, человек перестанет двигаться?

Помню, как перед смертью поняла: если ему это сойдет с рук сейчас, он уверится в своей безнаказанности и впредь.

Глава 7

Женщина в сарае

Ты вспоминаешь частички прошлой жизни, и порой это помогает.

Например, Мэтт.

С Мэттом у тебя было самое близкое подобие романтических отношений, когда ты пропала. Несбывшееся обещание, как и все остальное.

Главное, что ты помнишь о Мэтте: он умел вскрывать замки.

В сарае ты много об этом размышляла. Пробовала несколько раз. Оторвала щепку от пола, сделала незаметное углубление в стене. Но для большого замка на цепи тонкая лучина не годилась: вдруг она сломается, и что тогда?

Тогда ты оказалась бы в заднице.

Ты вспоминаешь частички прошлой жизни, и порой это помогает. Хотя не всегда.

###

Человек, похитивший тебя, возвращается на другой день с горячей едой и вилкой. Ты запиливаешь в рот пять гигантских кусков, не успевая даже подумать о том, что ешь, – спа-

гетти с фрикадельками. Проглотив следующие три, замечаешь, что он о чем-то говорит. Спустя еще два находишь силы отложить вилку. Его слова куда важнее для твоего выживания, чем любой прием пищи.

– Скажи, как тебя зовут.

В ушах звенит. Ты закрываешь контейнер, откуда безмолвно взывает оставшаяся фрикаделька.

– Эй.

Он подходит с другого конца сарая и хватается тебя за подбородок, вынуждая поднять глаза.

Нельзя его злить. Никогда, но особенно сейчас.

– Извини. Я слушаю.

– Нет. Я велел назвать твое чертово имя.

Ты ставишь контейнер на пол и подсовываешь руки под себя, перебарывая желание потереть лицо там, куда впились его пальцы. Делаешь глубокий вдох. Он должен верить твоим словам. Это сродни заклинанию, чтению священного текста. Только правда.

– Рейчел, – говоришь ты. – Меня зовут Рейчел.

– Дальше.

Ты понижаешь тембр голоса, добавляя интонации глубину воодушевления. Ему от тебя кое-что нужно, он не раз объяснял, чего хочет.

– Ты нашел меня. – И, не дожидаясь просьбы, выкладываешь остальное: – Я знаю только то, чему ты меня научил. У меня есть только то, что ты мне дал.

Он переступает с одной ноги на другую.

– Я заблудилась. Ты нашел меня. Дал крышу над головой.

Следующая фраза рискованна. Если переусердствуешь, он разгадает уловку. Но если будешь осторожничать, он сойдет с крючка.

– Ты сохраняешь мне жизнь. – В качестве подтверждения ты берешь пластиковый контейнер. – Без тебя я была бы мертва.

Он дотрагивается до своего обручального кольца, пару раз прокручивает на пальце. Снимает и вновь надевает.

Мужчина, который взял женщину за руку, встал на одно колено и убедил стать его женой. Мужчина, полный решимости управлять стихиями, все же потерял ее. Мужчина, перед которым открыт весь мир, торчит в садовом сарае. Теперь его мир рухнул, но среди обломков у него по-прежнему есть ты.

А еще у него есть дочь.

– Как ее зовут?

Он не сразу понимает, о ком речь. Ты указываешь на дом.

– Какое тебе дело?

Если б в сарае имелось место для правды, ты бы сказала: «Тебе не понять. Это сидит во мне, ведь однажды и я была девочкой. Проходя мимо по улице, я слышу их смех, чувствую их боль. Хочу подхватить их на руки и нести всю дорогу, уберегая от шипов, о которые сама изранила ноги.

Во всех них живет частичка меня, и каждая немного при-

надлежит мне. Даже твоя.

Мне есть дело, потому что я хочу добраться до той части, которая роднит тебя с ней. Ведь ты никогда не убил бы собственную дочь, правда?»

Но ты молчишь. Пусть думает что хочет.

Он сводит пальцы левой руки в кулак, прижимает его ко лбу и на мгновение зажмуривается.

Ты наблюдаешь, затаив дыхание. От видений, которые сейчас мелькают у него под веками, зависит твоя жизнь.

Он открывает глаза. Он опять с тобой.

– Нельзя, чтобы из-за тебя она начала задавать вопросы.

Ты озадаченно моргаешь. Со вздохом нетерпения он наклоняет голову в направлении внешнего мира – в сторону дома.

Его ребенок. Он говорит о своей дочери.

Ты пытаешься вдохнуть, но забыла как.

– Я скажу, что ты знакомая. Подруга друзей. Снимаешь свободную комнату.

Далее – торопливые объяснения. В этом весь он: вначале неуверенный, до тех пор пока не убедит себя в собственной непогрешимости. Едва решение принято, он не оглядывается.

Он говорит обо всем так, будто идея принадлежит ему, будто не ты заронила семя, не ты это предложила. Он перевезет тебя в новый дом посреди ночи. Без свидетелей. Выделит комнату, где ты будешь проводить основную часть дня.

Пристегнутая наручниками к батарее, за исключением времени на еду, сон и походы в ванную. По утрам, в большинстве случаев, завтрак, по выходным иногда обед, по вечерам почти всегда ужин. Порой тебе придется сидеть без ужина: ни один квартирант, каким бы общительным и нуждающимся он ни был, не станет все время столоваться с арендодателем и его дочерью.

Спать будешь прикованной наручниками к кровати. Он, как и прежде, будет приходить к тебе. В этой части ничего не изменится.

Ты должна вести себя очень тихо. Разговаривать с его дочерью только во время еды, чтобы отвести подозрения. Совместная трапеза сделает тебя досягаемой для нее, ты потеряешь таинственную ауру. Перестанешь быть загадкой. Превратишься в часть окружения – скучную часть, о которой девочка и не подумает задавать вопросы.

Прежде всего, веди себя нормально. Он несколько раз подчеркивает это между правилами принятия душа, сна и приема пищи. Ни в коем случае нельзя выдать истинного положения дел. Иначе тебе будет больно.

Ты киваешь. Ничего другого не остается. Пытаешься представить: ты, он и его ребенок, все под одной крышей. Кровать. Матрас. Подушка. Постельное белье. Мебель. Завтрак и обед. Еда на тарелке. Настоящий душ. Горячая вода. Разговоры. Окно в мир. Третий человек. Впервые за пять лет кто-то кроме него.

Он перестает расхаживать и приседает перед тобой. Кожа вокруг ногтей у него красная, воспаленная. Он снова поднимает твое лицо за подбородок, совсем близко к своему. В его глазах – весь мир.

Ладонь скользит к твоей шее, большой палец ложится на гортань. Он мог бы сделать это прямо сейчас. Так же легко, как скомкать лист бумаги.

– Никто не узнает. – Его лицо блестит в свете походного фонаря. – В этом весь смысл. Тебе ясно? Только я. И Сесилия.

Сесилия...

Ты хочешь произнести имя вслух, но в горле застрял ком. Ты сглатываешь. Его дочь, его ребенок. В этом есть что-то органичное. Благородное. Он в больнице, в одноразовом халате, держит в трясущихся руках окровавленного младенца. Мужчина, ставший отцом. Интересно, он соскакивал с постели в два, три, пять утра, чтобы ее покормить? Грел бутылочки в темноте, с затуманенным от недосыпа сознанием? Водил дочь на карусели, помогал задуть свечу в первый день рождения? Спал на полу рядом с ее кроватью, когда она болела?

Теперь они остались вдвоем. Разрешает ли он ей пользоваться телефоном? Когда она плачет – если плачет, – находит ли нужные слова? Догадался ли приобнять ее за плечи на похоронах мамы? Сказать что-нибудь вроде: «Те, кого мы любим, никуда не уходят. Они живут в наших воспоминани-

ях. Главное – постараться прожить жизнь так, чтобы она тобой гордилась»?

– Красивое имя, – говоришь ты.

«Только зря ты мне его сообщил».

Глава 8

Эмили

Эйдан Томас знает, как меня зовут.

Наступает четверг, а его нет. Я решаю, что все пропало. Но вдруг приятный сюрприз: в пятницу вечером, когда я не жду, он материализуется в баре.

– Эмили.

Мое имя слетает с его губ, как будто нас связывает давнее знакомство.

Я роняю «привет» и, не удержавшись, добавляю, что не видела его вчера. Улыбка, извинение: срочная работа за городом. Но вот он здесь.

«И все встало на свои места», – говорю я, на сей раз молча. Оставляю это при себе. Неожиданный визит Эйдана, звук моего имени из его уст придают мне сил до конца дня и на всю субботу, вплоть до вечера.

В субботу ресторан похож на поле битвы. Городские воюют с местными из-за столиков, и всем не угодишь. Из кухни в зал устремляется поток еды – горячей, холодной, без разницы. Нам нужны тарелки, больше тарелок на столах. За стойкой у меня вырастает вторая пара рук. В субботу все хотят коктейли. Один martini за другим, бесконечная череда тви-

стов⁵ и оливок. Я сдираю тыльную сторону большого пальца вместе с цедрой лимона. Запястья ноют всякий раз, когда я поднимаю шейкер, боль из запястного канала отдается в суставах при каждом стуке кубиков льда.

Один из немногих плюсов ресторана: когда он забит под завязку, я погружаюсь в транс. У меня нет времени размышлять или беспокоиться о том, что Ник плевать хотел на большинство моих приказов и ведет себя как засранец (давно пора его уволить, но вдруг другой повар будет еще хуже?). Есть только я и бар, пока не закроется дверь за последними клиентами.

После окончания смены мы идем выпить. Абсурдно, казалось бы, ведь мы сыты друг другом по горло, но иначе нельзя. Если субботние вечера – поле битвы, то мы – солдаты и должны как-то сосуществовать. И выпивка помогает.

Когда я прихожу, все уже сидят за нашим обычным столиком. Махнув владельцу заведения Райану – он неплохой парень, хотя и счел удачным назвать пивнушку «Волосатый паук», – я занимаю стул между Эриком и Ювандой.

– Говорят, несчастный случай, но я не верю, – вещает Кора. – Вы видели те тропы? Оттуда чертовски тяжело упасть.

Райан приносит пиво недели, тыквенный сауэр. Пригубив, я изображаю одобрителный кивок.

– О чем речь?

Юванда вводит меня в курс дела:

⁵ Кусочек цитрусовой цедры, который используется для украшения.

– О женщине, которая пропала без вести на прошлой неделе.

Я читала о ней в местном еженедельнике: тридцать с чем-то лет, никаких психических заболеваний или проблем с наркотиками. Художница, владеющая небольшой студией милях в сорока к северу отсюда. Исчезла ночью, и с тех пор ее никто не видел. Телефон и кредитки не использовались.

– Полицейский сказал моей сестре, что, по их версии, она пошла в поход и упала в ущелье, – говорит Софи. – Судя по всему, ей нравился активный отдых.

– Но есть же запись с камер наблюдения из круглосуточного магазина, сделанная около семи вечера? – вклинивается Юванда.

Софи кивает.

– То есть, – продолжает Юванда, – она заскочила в магазин, а потом отправилась в поход? На ночь глядя?

Эрик делает глоток пива.

– Может, хотела посмотреть на закат?

Кора качает головой.

– Не-а. Во-первых, сейчас солнце садится раньше. В семь уже не на что смотреть. Да и зачем идти в лес? Закат видно практически из любого места.

Отпив еще один глоток тыквенного сауэра, я со вздохом опускаю стакан на стол. Кое-что не клеится.

– Почему они вообще уцепились за этот маршрут?

Кора с побежденным видом опускает глаза.

– Ее ботинок нашли в кустах, – сообщает она. – Хотя не знаю... Это всего лишь ботинок. И не объясняет, почему она пошла в поход так поздно, к тому же одна.

Эрик похлопывает Кору по руке.

– Люди постоянно делают глупости, – тихо говорит он. – Чего только не бывает.

– Эрик прав, – соглашаюсь я. – Несчастные случаи не редкость.

Никто не возражает. Все уставились в стаканы либо на оставленные ими влажные круги на столе Райана. Да и как поспоришь с сиротой, которая знает, о чем говорит. Мой отец: сердечный приступ солнечным субботним утром два года назад; мать: автомобильная авария в последовавшем за этим сумбуре.

– В общем, – подает голос Ник через несколько секунд. – Я слышал, какой-то шеф из города купил здание, где раньше было заведение Маллигана. Вроде бы делает из него стейк-хаус. – Ник поворачивается ко мне и ехидно добавляет: – Может, он расскажет тебе, где берет филе, если как следует попросишь.

Я вздыхаю.

– Знаешь, Ник, здорово, что ты не паришься по мелочам. Когда меня спрашивают, за что я больше всего ценю своего шеф-повара, я отвечаю: он видит картину в целом.

Мой ответ вызывает улыбки у Эрика и Юванды. Остальные отмалчиваются. На их месте я бы тоже так себя вела,

случись мне проводить пятьдесят часов в неделю на кухне с Ником и кучей мясницких ножей.

Пару часов спустя Эрик отвозит нас домой. Дом раньше принадлежал моим родителям, а теперь я делю его с Эриком и Ювандой. Договоренность возникла сама собой. Они оба явились на следующий день после автокатастрофы и опекали меня, как истинные друзья детства. Загружали холодильник, следили за тем, чтобы я не голодала и спала, хотя бы немного. Помогли мне организовать сразу двое похорон. Составляли компанию, когда одиночество было невыносимым, и уважали мое личное пространство, когда я в нем нуждалась. Где-то в процессе мы согласились, что будет лучше, если они останутся. Дом стал слишком большим для меня одной. Продажа потребовала бы ремонта, о чем не могло идти речи. Поэтому однажды на выходных мы перевезли вещи моих родителей на склад и в конце дня без сил рухнули на диван, утвердив наш новый союз. Небезупречный и нетривиальный. Но абсолютно логичный.

Ночью я ворочаюсь без сна, несмотря на усталость. Думаю о пропавшей женщине. Мелисса. От нее остались только имя, профессия, название города, ботинок, найденный на тропе. Как надгробные речи в адрес моих родителей – точные, но безнадежно пустые.

Жизнь отца свелась к нескольким словам: повар, отец, трудоголик. Частички бытия моей матери дополнили пазл: управляющая, хозяйка, бухгалтер, клей, на котором все дер-

жалось. В целом верно, однако ни слова о том, что делало их живыми людьми. Ничего об улыбке отца, о мамином парфюме. Ничего о том, каково было жить и расти с ними, в равной степени любимой и брошенной на произвол.

Я возвращаюсь мыслями к пропавшей женщине, пытаюсь восполнить пробелы. Нечестно использовать ее в качестве чистого холста и рисовать то, что мне хочется, но эта история не дает покоя.

Возможно, она в чем-то походила на меня. Была... Смотрите-ка, я уже думаю о ней в прошедшем времени, хотя еще ничего не известно. Возможно, она тоже росла в страхе перед окружающим миром, чувствуя себя заложницей. Может, ее заставляли носить платья, хотя она предпочитала брюки. Вынуждали общаться со взрослыми, когда ей хотелось побыть одной. Может, она привыкла всегда испытывать неловкость, вину. Ждала подросткового бунта, которого так и не случилось, а в двадцать корила себя за то, что не избавилась от страхов.

Вот какую историю я сочиняю. Некому меня остановить, сказать, что это полный бред. Я хотела почтить ее память, а все свелось к эгоизму. Дело не в ней. Не совсем. Дело в моем прошлом, преследующем меня в темноте. Мое более молодое «я» взывает ко мне, требуя ответов, которых нет.

Глава 9

Женщина в сарае, когда она была девочкой

Тревожные звоночки появляются в две тысячи первом – в год твоего десятого дня рождения. Мама лучшей подруги заболела раком. Квартиру кузины вскрыли, все ценности пропали в одночасье. Твоя тетя умирает. С каждым разом урок становится доходчивей: с теми, кого ты знаешь, случаются плохие вещи.

Что, если однажды они произойдут с тобой? В глубине души ты надеешься стать исключением. До сих пор ничто не омрачало твою жизнь. Любящие родители учили тебя кататься на велосипеде в Риверсайд-парке, старший брат не обращался с тобой как с умственно неполноценной. Феи, склонившиеся над твоей кроваткой, щедро одарили тебя. С чего бы удаче иссякнуть?

В детстве ничто не нарушает твоих надежд. Затем, в подростковые годы, на пути появляются ухабы. Твой брат принимает таблетки. Первый раз, второй. Ты познаешь печаль. Учишься заполнять дыру в сердцах родителей, быть золотым ребенком. Тебе пятнадцать. Ты ждешь того, кто увидит тебя в истинном свете, полюбит тебя настоящую.

На горнолыжном курорте ты впервые целуешься с парнем.

Ты помнишь стук его сердца рядом со своим, запах его геля для волос, солнечные зайчики от снегоуборочных машин на стенах твоего номера. После возвращения домой становится ясно, что парень не думает звонить. Ты познаешь разочарование. Чтобы оправиться, уходит больше времени, чем после реальных расставаний во взрослой жизни. Наступает лето. Ты постепенно исцеляешься.

Через два года ты знакомишься со своим первым бойфрендом. Он идеален. Если бы парней можно было выписывать по каталогу, ты выбрала бы его. Если бы тебе подарили кусок волшебной глины, способной оживать, ты вылепила бы его.

Ты серьезно относишься к роли чьей-то девушки. Это твой первый шанс проявить себя, и ты хочешь сделать все правильно. Ведешь бойфренда посмотреть на могилу Дюка Эллингтона⁶ на кладбище Вудлон. В день рождения покупаешь ему несколько маленьких подарков: музыкальную шкапулку с главной темой из «Истории любви», леденец с травкой, «Над пропастью во ржи» в мягкой обложке с лошадю – и прячешь их на себе, суешь в задние карманы, заталкиваешь за пояс джинсов. Когда приходит время вручать подарки, ты просишь его поискать. Он ощупывает тебя.

У тебя еще не было секса. В отличие от него. Он на шесть месяцев старше. Ты не торопишься взрослеть. Вроде бы нуж-

⁶ Дюк Эллингтон (1899–1974) – великий американский джазовый музыкант и композитор.

но этого стыдиться, но ты не чувствуешь стыда. Не настолько, чтобы решиться.

Однако вы занимаетесь другим, и тебе нравится быть с парнем, который знает, что делать. Ты позволила ему просунуть руки под рубашку. Расстегнуть лифчик двумя пальцами. Пуговицу на твоих джинсах. После этого ты напрягаешься, и он тактично останавливается. Всегда.

Спустя пару месяцев ты готова с ним порвать. Но вместо этого позволяешь себе влюбиться. Одним солнечным июльским днем ты лежишь под деревьями в кампусе Колумбийского университета и понимаешь, что прошло полгода. Все вокруг твердят, как тебе повезло, раз парень вроде него так долго встречается с девушкой вроде тебя, не принуждая к сексу. Ты улыбаешься: «Я знаю».

И это правда. Не верится, что он твой. Иногда он засыпает – а может, делает вид, лежа с закрытыми глазами, – и ты не осмеливаешься вытащить онемевшую руку у него из-под головы. Тебе семнадцать. Любовь на вкус даже слаще, чем ты думала.

Однажды твои родители едут в Нью-Джерси на благотворительное мероприятие. Бойфренд приходит к тебе. Вы «смотрите фильм» – кодовое обозначение для поцелуев. Две недели назад вы «смотрели» «Реквием по мечте». Ты не смогла бы вспомнить ни строчки оттуда, даже если б на кону стояла твоя жизнь.

Сегодня вечером – «Бойцовский клуб», который ты нико-

гда не видела. Он, как и все парни, обожает этот фильм. Какая разница. К черту «Бойцовский клуб». Важно лишь прикосновение его кожи к твоей и тепло его дыхания на твоём лице. Его пальцы в твоих волосах, на твоих бедрах, между ног. Ты чувствуешь себя невероятно окрыленной, невероятно счастливой, что нашла в его лице наставника. Такого, как советуют в журналах: кого-то, кто нравится тебе и кому нравишься ты. Мальчика, которому можно доверять.

Ты в юбке. Пока Эдвард Нортон оплакивает свой диван, стереосистему и красивый шкаф, твой бойфренд засовывает два пальца тебе в трусики, а затем – не успеваешь ты опомниться – внутрь тебя. До сих пор ты не задумывалась, что юбки означают легкий доступ, особенно летом, без колготок и шерстяных границ между тобой и миром.

Его пальцы принимаются за дело. Ничего страшного. Ты делаешь вдох и велишь себе расслабиться.

Брэд Питт в подвале объясняет первое правило Бойцовского клуба. Бойфренд стягивает с тебя трусики. Никогда в жизни ты не чувствовала себя такой голой. Из груди вырывается смешок, похожий на кашель. В ответ парень целует тебя крепче.

Все ускоряется, ты не успеваешь следить. Лицо Эдварда Нортон разбивается о бетонный пол. Вы с парнем оба голые ниже пояса.

Тебе говорили, что можно сказать «нет». Но никто не объяснял как. Никто не говорил, как посмотреть в глаза челове-

ку, которого любишь, и сказать, чтобы он прекратил.

Твой внимательный парень понял бы без слов. Заметил бы, что руки у тебя безвольно повисли, а зубы стучат. Но пока Эдвард Нортона рассылает коллегам стихи по электронной почте, бойфренд тянется за презервативом. Ты понятия не имела, что он держит их во внутреннем кармане рюкзака. Что у него все отлажено.

Брэд Питт произносит монолог о том, как реклама разрушает душу. Ты смотришь, как парень входит в тебя. Это твой первый раз, и все происходит потому, что ты слишком боялась сказать «нет». Потому что бойфренд забыл посмотреть тебе в глаза.

На следующей неделе ты оставляешь ему голосовое сообщение. Говоришь, что все обдумала и вам лучше расстаться. Кладешь трубку и плачешь.

Годы спустя ты забьешь его имя в поисковую строку в соцсети. Профиль будет закрыт, а вместо фото – серый квадрат. Ты не станешь добавлять его в друзья.

А пока жизнь продолжается. Само собой.

Ты снова занимаешься сексом. Иногда плохим. Иногда унылым. Чаще, чем хотелось бы, ты мысленно возвращаешься к тому моменту.

Ты не забудешь своего первого парня. Того, кто научил тебя жить в качестве гостя в твоём собственном теле.

Глава 10

Женщина в пути

Каждый вечер ты спрашиваешь его «когда», и всякий раз он отказывается сообщать. «Скоро узнаешь. Куда спешить? Или тебя где-то ждут?»

Говорит, они еще не закончили сборы. Сколько у них вещей? Он не миллионер. Одевается опрятно, но одежда не новая. Он упоминал работу по дому, мытье полов, белье, которое нужно развешать. На его плечах весь мир, и некому (за неимением платной прислуги) облегчить ношу. Они прожили в этом доме много лет, и теперь им предстоит выгрести содержимое семейной истории, каждый клочок бумаги, каждую забытую безделушку. Они собираются уехать и обосноваться в другом месте, и необходимо решить, что оставить, а что взять с собой.

Затем, однажды вечером, он говорит: «Идем».

Осознание приходит через секунду, ты застываешь. Он резко поднимает тебя на ноги и начинает возиться с цепью. Поворот ключа – ключ все-таки есть, – пара рывков, и цепь со стуком падает на пол. Ты чувствуешь невероятную легкость.

Без цепи сложно сохранять равновесие, ты держишься за стену. Он тянет тебя за руку, торопясь вытащить наружу.

– Давай, – говорит он. – Шевелись.

Через несколько секунд под твоими ногами будет трава и никаких стен вокруг.

– Подожди.

Ты пятишься к задней стене, едва не выскользнув из его хватки. Цепкие пальцы вновь настигают тебя: он не из тех, кто так легко отпустит. Левое плечо с силой выкручивается, от неожиданности темнеет в глазах. Он нависает над тобой сзади.

– Какого хрена? Ты издеваешься?

Задыхаясь, ты свободной рукой указываешь на книги. Давным-давно он принес полиэтиленовый пакет, чтобы защитить их от влаги. Смотри, мол, я умею заботиться о своем имуществе. На ящике – безделушки, которые он забрал у других и отдал тебе.

– Я только хотела взять вещи, – говоришь ты, стиснув зубы. – Клянусь. Прости.

– Твою мать.

С прижатой к бедру рукой он подводит тебя к стопке книг. Ты спотыкаешься о его ногу и едва не падаешь. Он ловит тебя, ставит прямо.

– Давай.

Вы приседаете вместе, ты берешь пластиковый пакет, кладешь в ящик с остальными вещами.

– Ну, готова?

Ты киваешь. Он ведет тебя к двери. На прощания нет вре-

мени. Ты выхватываешь из памяти случайные моменты, похожие друг на друга дни, пять лет, слившиеся в сплошное месиво. Один непрерывный сарай. Место отчаяния и потерь. Но в конце концов ты к нему привыкла.

Здесь ты научилась выживать. Новый дом, куда вы едете, полон неопределенности, в каждом углу таится вероятность ошибки.

Он останавливает тебя у двери. На запястье ложится что-то холодное и твердое. Блестящий металл наручников. Один браслет защелкивается на твоей руке, второй – на его.

– Пора.

Он протягивает свободную руку к задвижке, его лицо в паре дюймов от твоего.

– Не вздумай ничего выкинуть. Я серьезно. Просто шагай к машине. Если побежишь, закричишь или сделаешь хоть что-нибудь – пеняй на себя.

Он отпирает замок и кладет ладонь тебе на затылок, вынуждая посмотреть вниз. Кобура на бедре. Пистолет.

– Я поняла.

Он отпускает твою голову. Затем – щелчок, рывок и (вот так сразу, без подготовки) чудесное дуновение ветра на лице.

– Шевелись.

Он тянет тебя следом. Ты делаешь один шаг, второй. Ты снаружи. Стоишь в полный рост и вдыхаешь свежий воздух. Пряди волос щекочут лицо. Происходит уйма всего, природа требует, чтобы ты ее услышала, почувствовала. Шелест ли-

стьев на ветру. Жужжание насекомых и скрип ветвей. Влага от росы на лодыжках и почва под босыми ногами.

Очередной толчок. Ты идешь к припаркованной машине. Второй раз видишь сарай снаружи: серые вертикальные доски, белая окантовка вокруг двери. Ухоженный и аккуратный. Он не из тех, кто потерпит сорняки на своем участке, не из тех, кто любит выделяться. Никто никогда не заподозрил бы.

Вдалеке слева, если прищуриться, можно разглядеть очертания дома. Высокого, просторного, пустого. Дома, где, по твоим представлениям, когда-то жила счастливая семья: на потолке сияли светильники, по коридорам эхом разносился смех, отражаясь от блестящих электроприборов. Теперь окна темные, дверь заперта. Воспоминания его покинули. Выжженная земля, лишённые жизни стены.

Вы идете дальше. Беспokoйный, нетерпеливый мужчина торопится к месту назначения. Сегодняшний вечер не для тебя.

Над тобой – небо. Возможно, звезды. И даже луна.

Ты обязана посмотреть.

Если разогнешь шею, это может тебе дорого стоить. Ему не понравится. Но прошло пять лет, и если не сейчас, то когда?

Он шагает впереди, глядя под ноги. Не хочет споткнуться. Не хватало ему только упасть.

Ты шагаешь в такт, пытаешься не отстать, и медленно, словно ступая по шаткому подвесному мосту, запрокидываешь

голову.

Оно здесь, будто ждало тебя. Черное небо с десятками звезд. Ты продолжаешь идти, упиваясь небом. Ты и тьма. Ты, бездонный океан и точки крошечных айсбергов, рассеянные вокруг. Ты и чернильный мрак, оживленный белыми отблесками.

Но есть кое-что еще. Тяжесть в груди, разрушительная горечь. Ты и все, кто смотрит на то же небо. Такие же женщины, такие же дети, такие же мужчины и старики, такие же младенцы, такие же домашние животные.

Вот о чем напоминает небо: раньше ты была не одна. У тебя были мать, отец и брат. Соседка по комнате. Кровная семья, избранная семья. Люди, с которыми ты ходила на концерты или пропускала по стаканчику. С которыми сидела за одним столом. Люди, которые дарили свою поддержку, открывали перед тобой мир.

Ты нашла что искала, и безмолвное единение с ними разрывает тебя на части.

Икры сводит. Что-то поднимается из глубины. Ты должна снова найти людей, у которых он тебя забрал. Однажды сбегать к ним.

– Что ты делаешь?

Он остановился и смотрит на тебя, смотрящую на небо. Ты возвращаешь шею в привычное положение.

– Ничего. Извини.

Он качает головой и вновь тянет.

Небо лишило тебя спокойствия. Тебе хочется кричать, царапать грудь и бежать, бежать, бежать, хотя ты чертовски хорошо знаешь, чем это закончится.

Идиотка. Вот что происходит, когда думаешь о людях из внешнего мира.

Первое правило выживания за пределами сарая: не убегай, если не уверена.

Он опять останавливается. Ты резко тормозишь, как раз вовремя, чтобы не налететь на него. Вы рядом с машиной. Он открывает пассажирскую дверцу, и ты ставишь ящик на заднее сиденье. Последний промельк зеленых листьев, скрытый глоток свежего воздуха. Ты проскальзываешь вперед. Он со щелчком отмыкает свой браслет, заводит твои руки за спину и сковывает наручниками.

– Не двигайся.

Он наклоняется пристегнуть ремень безопасности. Не в его стиле рисковать остановкой за малейшее правонарушение. Он избегает неприятностей, и вселенная благоволит ему.

Дважды проверив ремень, он выпрямляется. Возится с поясом джинсов, вытаскивает пистолет из кобуры. Машет им у твоего лица. Твоя кожа превращается в ничто. Перед пистолетом тело беспомощно, беззащитно – набор частей, которые легко сломать. Бесконечное обещание боли.

– Не двигайся. Иначе я не обрадуюсь.

Ты киваешь, мысленно твердя «Я тебе верю», словно

клятву, словно проповедь. Я всегда тебе верю.

Он захлопывает пассажирскую дверцу и переходит на сторону водителя, целя пистолетом в лобовое стекло, не спуская с тебя глаз. Дверца открывается. Он занимает свое место. Бросает пистолет на приборную панель, пристегивает ремень безопасности. Резко выдыхает.

– Поехали, – говорит скорее себе, чем тебе.

Включает зажигание. Возвращает пистолет в кобуру. Ты ждешь, пока он нажмет на педаль газа, но вместо этого он поворачивается к тебе. Ты сжимаешь челюсти. Возможно, он передумал. В самый последний миг решил, что затея нелепа. Что будет проще и лучше, если ты исчезнешь навсегда.

– Когда доберемся... Уже поздно. Она спит. Веди себя тихо. Я не хочу, чтобы она встала посреди ночи и начала задавать вопросы. – Ты киваешь. – Хорошо. А теперь закрой глаза.

Ты невольно хмуришься.

– Я сказал, закрой глаза.

Ты делаешь, как велено. Пикап с урчанием оживает и... Ну конечно! Он не хочет, чтобы ты видела, где находишься и куда едешь. Как и пять лет назад, когда похитил тебя. Только в тот раз он вручил тебе бандану и велел завязать глаза, пока вы ехали в его владения. Сейчас все иначе. Сейчас он тебя знает. Он знает, что ты делаешь, как велено.

В других обстоятельствах ты бы рискнула. Открыла бы глаза и быстро осмотрелась. Но не сегодня. Сегодня важно

остаться в живых.

Ты следишь за колебаниями и рывками пикапа. Машина подпрыгивает на подъездной дорожке (судя по всему), затем достигает ровной поверхности – предположительно, асфальта. Шоссе. У тебя кружится голова, но не от качки, а от уймы возможностей. Что, если наклониться, насколько позволит ремень безопасности, и толкнуть его? Заставить выкрутить руль? Или самой повернуть его коленом, ступней или другой частью тела? Что, если вы оба понесетесь к ограждению или оврагу? У него не будет времени схватить пистолет. Возможно. Или же он вернет машину на дорогу за считанные секунды, уедет в укромное место, вытащит пистолет и прикончит тебя.

Поэтому ты сидишь тихо. Слышно только урчание мотора да отрывистое постукивание пальцев по рулю. Трудно сказать, сколько времени вы едете. Десять минут? Двадцать пять? В конце концов пикап замедляет скорость и останавливается. Звякает ключ, вынутый из замка зажигания.

Ты не двигаешься. Не открываешь глаза. Есть вещи, которые лучше не делать без его позволения. Но ты знаешь: вы на месте.

Чувствуешь, как дом зовет к тебе. Ждет тебя.

Глава 11

Женщина в доме

Открывается и хлопает водительская дверца. Через несколько секунд он подходит, тянется к твоим рукам, все еще заведенным за спину. Браслет соскальзывает с левого запястья. Возня, щелчок. Когда он разрешает открыть глаза, вы вновь прикованы друг к другу.

– Идем.

Ты не двигаешься с места. Он со вздохом наклоняется к ремню безопасности.

– Не могла сделать это сама?

«Чтобы ты взбесился? Ударил меня сзади рукояткой пистолета? Нет уж, спасибо».

Он дергает, и ты ступаешь на траву. Пока он достает с заднего сиденья твой ящик, у тебя есть шанс осмотреться. Вы у крошечного палисадника перед домом, на границе между его миром и тротуаром. Машина припаркована на небольшой подъездной дорожке, виднеются следы от шин. Дорога уходит в двух направлениях: туда, откуда вы приехали, и в неизвестность. Дверь со звонком и входным ковриком. Мусорные баки на колесах: зеленый и черный. Цокольный этаж с гаражными воротами. С другой стороны дома крошечный внутренний дворик, металлические стулья и такой же стол.

Все обыденно. Аккуратные атрибуты загородной жизни.

Он ведет тебя к дому, настоящему дому прямо перед тобой. С крышей, стенами, окнами и дощатой обшивкой – почти как в сарае, только больше, выше. На двери замок, куда входит появившийся из кармана ключ. Не успевает щелчок замка достигнуть твоих барабанных перепонки, как ты уже внутри.

– Живей.

Он подталкивает тебя к лестничному пролету. Дом предстает перед тобой набором хаотичных образов: диван, телевизор, рамки с фотографиями на книжных полках. Открытая кухня, едва слышный гул бытовой техники.

– Идем.

Ты следуешь за ним. Одна ступенька, вторая – и ты едва не заваливаешься вперед. Ловишь рукой перила, прежде чем клюнуть носом в пол. Строишь под ноги. На ступеньках ковролин, а ты отвыкла от мягкой поверхности.

Он поворачивается, испепеляя тебя взглядом, от которого холодеет в животе. Затем устремляется наверх с удвоенным рвением. Тебе пора в отведенную комнату. Чтобы все было под контролем. Единственное, чего он хочет, – чтобы жизнь шла по его плану.

В темноте второго этажа ты замечаешь плакат на двери в конце коридора. Щуришься в попытке разглядеть изображение – безликая фигура поддерживает другую, поменьше, оранжевые и голубые пятна выступают из мрака. Ты фикси-

руешь все это мимоходом, а в голове – просто невероятно – вспыхивает: «Кит Харинг»⁷. Молния узнавания пробила груды обломков. Сарай не уничтожил тебя полностью.

Наверное, комната дочери. Его спальня, судя по всему, в ближнем конце коридора, слева. Он заслоняет собой закрытую голую дверь, хранящую секреты. Как будто не хочет, чтобы ты ее видела. Как будто за ней скрывается мир, недоступный тебе.

Справа еще одна дверь. Невзрачная. Безликая. Он достает другой ключ, вставляет в круглую дверную ручку и поворачивает. Плавно, бесшумно. Убийственно ловкий даже в темноте.

###

Комната маленькая и скудно обставленная. Справа от входа – односпальная кровать старого образца, с металлическими пружинами. В углу – небольшой письменный стол и стул, рядом – комод. На противоположной стене – радиатор. Окно завешено плотными шторами. Самая странная комната из тех, где ты бывала. Здесь есть все необходимое и нет ничего, она твоя и не твоя, дом и не дом.

Он закрывает дверь. На потолке подвесной светильник, который он даже не пытается включить. Просто опускает

⁷ Кит Харинг (1958–1990) – американский уличный художник, скульптор.

ящик на пол, расстегивает свой браслет наручников и указывает на кровать.

– Вперед.

Он ждет, пока ты ляжешь. Таков уговор: днем ты прикована к батарее, ночью к кровати. Ты садишься на матрас. Пружины стонут под твоим весом. Впервые за пять лет ты погружаешься во что-то мягкое и податливое. Поднимаешь и вытягиваешь ноги, опускаешь корпус; голова касается подушки.

Ты ждешь приятных ощущений. После тысячи с лишним ночей в спальном мешке на деревянных досках впору услышать ангельское пение. Но все иначе. Матрас прогибается, словно хочет тебя проглотить. Такое чувство, что ты тонешь и скоро от тебя ничего не останется, никаких следов твоего существования.

Ты садишься, глотая воздух.

– Прости.

Он вскидывает руку к твоему плечу, толкает обратно, палец впивается под ключицу.

– Какого. Хрена. Ты творишь?

– Я не... Извини. Просто... Кажется, я не смогу.

Хватка становится сильнее. Ты хочешь его успокоить, но грудь стянуло раскаленным обручем. Под ребрами колет. Как объяснить, что ты не намерена делать глупостей, не могла бы сбежать, даже будь у тебя шанс? Ты безуспешно пытаешься вдохнуть.

– Извини. Просто...

Ты поднимаешь ладони в надежде, что язык тела подсказет то, что не удастся выразить словами. Ты невиновна, тебе нечего скрывать. Пистолет все еще у него. Глушитель задевает твоё колено. Ты сосредоточиваешься на дыхании. Давным-давно, в прошлой жизни, ты скачала приложение для медитации. Английский голос на аудиозаписи напоминал вдыхать через нос, выдыхать через рот. Снова, и снова, и снова.

Когда грудь понемногу отпускает, из горла вырывается свист. Или это у тебя в ушах звенит? Вдох через нос. Выдох через рот. Руки подняты. Взгляд прикован к пистолету.

– Ничего страшного... если я посплю на полу?

Он вскидывает бровь.

– Все из-за матраса... Я отвыкла в сарае. Глупо, знаю. Извини. Мне жаль. Можно? Это ничего не изменит. Клянусь.

Он вздыхает. Царапает себе висок дулом пистолета. Значит, оружие на предохранителе? Или он настолько уверен в своих стрелковых навыках?

Наконец он пожимает плечами.

– Располагайся.

Ты соскальзываешь с матраса. Медленно, осторожно, словно обезвреживая бомбу, укладываешься на пол. Узел в груди ослаб. Ты в привычных условиях. Как в сарае. Ты научилась выживать в сарае. Научишься и здесь.

Он опускается на колени, хватая твоё запястье, поднима-

ет руку и закрепляет свободный браслет наручников на железной дуге каркаса. Частички краски отлетают, когда он для надежности дергает механизм туда-сюда. Удостоверившись, что тебе не освободиться, встает.

– Если я что-нибудь услышу, что угодно, то не обрадуюсь. Понятно?

Ты киваешь, насколько это возможно лежа на полу.

– Моя комната через коридор. Если выкинешь какой-нибудь фокус, я узнаю.

Еще один кивок.

– Вернусь завтра утром. Надеюсь увидеть тебя на том же месте. В той же позе. Все то же самое.

Ты вновь киваешь. Он делает пару шагов, кладет руку на дверную ручку и замирает.

– Обещаю, – говоришь ты. – Не сдвинусь с места.

Он прищуривается. В нацеленном на тебя взгляде всегда неуверенность. Можно ли тебе доверять? В данную минуту? А через час? А через неделю?

– Серьезно, – добавляешь ты. – Я жутко устала. Вырублюсь, как только ты выйдешь. – Указательным пальцем свободной руки обводишь комнату. – Тут уютно. Спасибо.

Он поворачивает дверную ручку, и в эту секунду все происходит. Шорох по ту сторону стены, скрип половиц. Оклик с другого конца коридора: «Папа?»

В его глазах мелькает нечто похожее на ужас. Он смотрит на тебя так, словно ты мертва, у него руки в крови, а дочь

направляется к вам.

Впрочем, он тут же овладевает собой. Лицо принимает расслабленное выражение. Взгляд как бритва. Молча наставляет на тебя палец, как бы говоря: «Не лезь. Веди себя тихо», – и одним плавным движением выскальзывает из комнаты.

Она его увидела? Или там слишком темно, а она слишком далеко? Самое трудное, что тебе когда-либо приходилось делать: не смотреть. Не поднимать головы, не разгибать шею. Держать рот на замке, пока закрывается дверь. Стремительный порыв воздуха обдаёт лицо. Ты кусаешь губы, щеки.

Сквозь стену просачиваются приглушенные голоса: «всё в порядке», «да», «уже поздно», «знаю, знаю», «я хотел написать», «не слышал» и наконец «возвращайся в постель». Вероятно, она делает как велено, потому что вскоре звуки стихают и ты остаешься одна. В комнате. В настоящем доме с мебелью, отоплением и множеством стен и дверей. Ты, он и кто-то третий в конце коридора.

Ты буквально чувствуешь ее. Сесилия. Как силовое поле. Светящийся уголек во тьме. Впервые за пять лет новый человек. Маленькая вспышка. Бесконечное обещание.

Глава 12

Номер два

Он помолвлен.

Вот что он сказал первым делом. После того как я закрыла магазин. После того как он потребовал наличные из кассы. После того как я поняла, что ему нужны не только деньги.

Он сообщил об этом, когда забрал мое кольцо. Мотивируя тем, что недавно обручился.

– С прекрасной женщиной.

И еще кое-что: он знал толк в узлах.

– Видишь? – спросил он, связав мне руки спереди. – Узел «восьмерка». Если потянуть, не развяжется. Нагрузка только затянет его. Так что даже не пытайся, мать твою.

Я все же попробовала, когда он не смотрел. Но этот человек не солгал. Его узел так и не развязался.

Последнее, что я поняла: он основательно подготовился. Думаю, он уже делал это. От него исходила уверенность, решимость. Спокойствие. Даже когда я начала сопротивляться. Он знал, что в итоге я сдамся. Что мир подчинится его воле.

Последнее, о чем я подумала: он похож на воина. Того, кто идет до конца, покуда соперник не перестанет дергаться.

Глава 13

Женщина в доме

Тебя трясут за плечо. Он склонился над тобой и будит. Когда ты заснула? Ты помнишь только, как лежала на деревянном полу, пытаешься найти удобное положение для прикованной руки.

Ты ждешь, пока он тебя освободит, поднимет на ноги. Протираешь глаза, разминаешь ступни. Во время его визитов в сарае ты всегда бодрствовала. К горлу подкатывает ком. Он проник в комнату незамеченным и стоял над тобой, пока ты лежала с закрытыми глазами, слегка приоткрыв рот, утратив связь с окружающим миром. Ни о чем не подозревая.

– Идем.

Он хватается тебя за плечо, открывает дверь, ведет по коридору. Свободным локтем ты прижимаешь к себе банное полотенце и комплект одежды. Он распахивает еще одну дверь слева – прошлой ночью ты ее не заметила – и тащит тебя внутрь. Ты бегло осматриваешь помещение: ванна, шторка, унитаз, раковина. Приложив палец к губам, он включает душ.

– Она еще спит. – Тихий голос заглушается плеском воды. – Но лучше поторопись. И ни слова.

Сесилия. Между вами витает воспоминание о прошлой

ночи: вопросительная интонация дочери и паника в его глазах. Вы трое, взявшись за руки, стоите на краю обрыва.

Ты стягиваешь джинсы и трусы. Снимаешь свитер, футболку, дешевый спортивный лифчик, который он принес, когда крючки на прежнем наконец пришли в негодность.

Поднимаешь крышку унитаза. Ты настолько ошеломлена новой реальностью, что на миг забываешь о мужчине рядом. Он следит за тобой равнодушно, как за собакой, справляющей нужду на прогулке. Твоим вниманием целиком завладел хлопковый коврик под ногами; холодный ободок унитаза вжимается в заднюю поверхность бедер. Справа рулон туалетной бумаги, белой, двухслойной.

Слева в ванну плещется вода. Ты не спрашиваешь насчет Сесилии, не разбудит ли ее звук работающего душа. Он отец и лучше знает, что может нарушить сон его дочери. Вероятно, она привыкла. Насколько тебе известно, он обычно встает раньше, бреется и чистит зубы до ее пробуждения.

Ты присматриваешься к нему, сидя на унитазе. Бинго. На нем джинсы, чистая толстовка и рабочие ботинки на шнурках. Волосы причесаны, борода подстрижена. Встал пораньше и нашел время для собственных водных процедур, прежде чем позаботиться о тебе. Если она и услышит, то подумает, что новая квартирантка ранняя пташка, как и ее папа.

Ты встаешь, чтобы сдернуть, и уже собираешься залезть в ванну, когда что-то тебя останавливает. Отражение в зерка-

ле. Женщина. Новая и незнакомая. Ты.

Несколько секунд оглядываешь себя. Волосы длинные и темные, как раньше, но у корней седина, а за плечами пара белых прядей, как на спине у скунса. Ребра выпирают, будто вот-вот проткнут кожу. Очертания твоего лица.

– Шевелись.

Прежде чем ты успеваешь рассмотреть остальное, он отодвигает шторку, хватая тебя за руку и заталкивает под душ.

Слишком горячо. Когда-то ты принимала душ каждое утро. Подолгу стояла под струями, бившими по груди. Откидывала голову назад, чтобы вода заполнила уши, рот. Целиком отдавалась моменту в надежде достичь полного очищения, чего никогда не случалось. Теперь, после пяти лет обливания из ведра, ты не в состоянии припомнить, что именно – обжигающие струи воды на лице и спине, наполняющий легкие пар, – казалось тебе приятным.

Ты держишь глаза открытыми, пытаешься дышать сквозь водяную завесу. Интересно, ты еще не забыла, как это делается? Тянешься за мылом. Поскальзываешься. Он ловит тебя, с презрением во взгляде. Душевая шторка по-прежнему сдвинута в сторону. Здесь нет бритвы, ничего, чем можно навредить ему или себе, даже флакона с шампунем, который можно брызнуть в глаза. Только твое обнаженное тело и кусок мыла.

Ты суешь его под воду. Намыливаешь руки, грудь, между ног, все до кончиков пальцев.

– Ну, готово?

– Почти.

Ты вновь берешь мыло, чтобы вымыть лицо и волосы. Затем выключаешь воду и поворачиваешься. Он протягивает полотенце, ты вытираешься. В желтом свете ванной тело такое настоящее, такое живое. В сарае, в свете походного фонаря, не было видно деталей: похожих на молнии растяжек на внутренней стороне бедер, темных волосков на предплечьях и голенях, кустиков волос под мышками. Синяков на руках, застойных пятен пурпурного и синего цвета на сгибах локтей. Нескольких шрамов на груди. Трудные годы оставили след на твоей коже.

Ты протягиваешь полотенце обратно. Он кивает на дверной крючок, куда ты его вешаешь. Затем приседаешь к воруху одежды на полу. Трусы из супермаркета. Спортивный бюстгальтер из такого же черного хлопка. Чистые джинсы, белая футболка, серая толстовка на молнии. Все дешевое, нейтральное, скучное. Новое. Твое.

Одеваясь, ты прокручиваешь в голове свою новую биографию. Ты Рейчел. Недавно переехала в город. Искала, где остановиться, и услышала, что друг твоего друга сдает комнату в доме. Он вручает тебе новую зубную щетку и кивает на тюбик пасты – по всей видимости, его – на бортике раковины.

Ничего общего с заботой. Базовая гигиена, возможность привести себя в порядок. Ему легче, если ты не болеешь, ес-

ли у тебя не выпадают зубы, а твой организм не изматывают инфекции. В сарае он следил за твоим здоровьем, чтобы не создавать себе дополнительных хлопот. Теперь ему нужно, чтобы ты выглядела нормально ради его дочери.

– Подойди.

Он ставит тебя перед зеркалом, вытирает запотевшую поверхность тряпкой. Твой шанс разглядеть себя. Ты никогда не была хорошенькой, не совсем, но в определенные дни, с удачного ракурса, находила в себе привлекательные черты. Угольно-черные волосы, короткая челка. Чистая кожа, за исключением периодических высыпаний накануне месячных. Выразительные губы. Тебе шла красная помада. Ты научилась рисовать стрелки и подводить нижнее веко белым карандашом, чтобы визуально увеличить и распахнуть глаза.

У женщины в зеркале нет челки. Она давно отросла. Кожа выглядит сухой и жирной одновременно. На лбу, между бровями и вокруг рта залегли новые морщинки. Мелкие высыпания тянутся от висков к линии подбородка. Потеря веса изменила форму лица, щеки ввалились.

Раньше ты была мускулистой и здоровой. Бегала, питалась овсянкой и делала упражнения на растяжку по воскресеньям, иногда посещала йогу и пилатес. Старалась больше ходить пешком, ела, когда была голодна, останавливалась, когда чувствовала насыщение. Твой метаболизм работал бесперебойно, словно послушная машинка. Организм вознаграждал тебя за заботу. А теперь он испорчен. Разру-

шен, как и все остальное.

– Стой на месте. – Он держит ножницы. Ты застываешь. – Слишком длинные.

Он указывает ножницами на твои волосы. Они отросли не так сильно, как ты предполагала, – чуть ниже лопаток. Кончики истончились. После первых двенадцати месяцев однократного приема пищи в день тело решило использовать ресурсы на более насущные цели.

Ему нужно, чтобы ты выглядела опрятно. Как человек, который регулярно делает стрижку.

– Не двигайся. Будет досадно, если у меня соскользнет рука.

Пока он водит ножницами у тебя за спиной, ты стоишь неподвижно, сдерживая дрожь, когда металл упирается в кожу. Пара движений – и твои волосы возвращаются к длине до плеч.

Он сует ножницы в задний карман и тянет тебя за руку.

Он постоянно дергает тебя так и этак, торопит, никогда ни на что не дает времени. Ты поворачиваешься к нему. Голубые глаза, способные потемнеть за секунду. Тщательно ухоженная растительность на лице, поразительно изящные, почти хрупкие скулы.

Вероятно, в тумбе под раковиной он держит хороший шампунь. Лосьон после бритья с алоэ вера и помадку в зеркальном шкафчике. Не слишком дорогие, но и этого достаточно, чтобы подарить чувство чистоты и ухоженности.

Обжигающая волна гнева поднимается по твоему позвоночнику. Ты обшариваешь глазами комнату в поисках предметов, которые могла бы схватить и бросить. Возможно, мельница раскроит ему череп. А что насчет рук? Ты с удовольствием представляешь, как в течение нескольких секунд колотишь его в грудь сжатыми кулаками, снова, и снова, и снова. А если ударить по лицу, по надбровной дуге, разбить губу, окрасив зубы в красный, вдавить нос прямо в череп? Но его хватка на твоей руке сжимается крепче. Этот сытый, отдохнувший мужчина знает, где спрятано оружие. Хозяин в своих владениях.

– Извини. – Ты застегиваешь толстовку. – Я готова.

Он берет твою старую одежду и велит следовать за ним. Распахивает дверь в спальню, бросает вещи внутрь. При дневном свете дверь видно лучше: круглая ручка с замком по центру, которая запирается изнутри – у тебя была такая, когда ты жила с соседями по квартире. Правда, эта нужна не для того, чтобы удержать тебя в доме. Она для Сесилии, чтобы не пустить ее. Ключ есть только у отца. Только он может войти.

Ты заходишь в комнату. Он вновь приковывает тебя к кровати. В конце коридора пиликает будильник. Как раз вовремя.

Ты сидишь в ожидании, с волос капает на спину. Вскоре он возвращается и снимает наручники. На этот раз дверь за тобой закрывается. Он хватает тебя за запястье и ведет вниз

по лестнице. Дом оживает. Серый ковролин на ступеньках, перила выкрашены в белый цвет, как и стены. Повернув налево, вы попадаете в открытую кухню. Тебя зовут Рейчел, ты Рейчел. Справа – гостиная. Прихожей нет. Просто входная дверь, она манит тебя. Диван, кресло, телевизор, не слишком большой. Пара журналов на столике. Фоторамки на стенах и книжная полка в углу, заставленная книгами в мягких обложках. Дверь под лестницей.

Ты хочешь исследовать все. Перетряхнуть выдвижные ящики, вынуть содержимое шкафов, открыть все двери. Однако он тянет тебя к кухонному столу – деревянному, слегка поцарапанному, сияющему чистотой. Рядом задняя дверь. Дом прибран и лишен индивидуальности, как будто боится сболтнуть лишнее.

Он указывает на стул, тоже деревянный, самый дальний от двери. Ты садишься. На столе три тарелки, две пустые кружки, три кухонных ножа. На рабочей столешнице ворчит кофемашина. Он кладет руку тебе на плечо, встряхивает. Ты смотришь на его пояс. Кобуры нет.

– Не забывай.

Ты Рейчел. Подруга друга. Ты не приставишь нож к его горлу. Будешь вести себя естественно.

Он открывает серебристый холодильник, достает пакет с белым хлебом, кладет ломтики в тостер. Ты вспоминаешь завтраки своего детства: печенье «Поп-таргс» по дороге в школу, завернутое в два бумажных полотенца, еще горячее.

Позже – сэндвичи с яйцом и бумажные стаканчики с кофе из передвижной кофейни. Сколько ты себя помнишь, ты не завтракала с родителями. Уж точно не в будни.

Сидя на стуле, ты отмечаешь все, на что падает глаз: подставка с ножами на столешнице, щипцы на сушилке. Половник, консервный нож, длинные ножницы. Кухонное полотенце на ручке духовки. Все чисто, каждый предмет на своем месте. Он уже распаковал коробки. Обустроился в новом пространстве. Теперь это его дом, под его контролем.

Перегнувшись через перила, он задирает голову.

– Сесилия!

Затем возвращается к кофемашине, чтобы проверить, готово ли. Дежурный по завтраку папа занимается утренними хлопотами.

###

Сначала ты видишь только ее ноги. Два светло-голубых носка шлепают по лестнице. Зауженные черные брюки, пушистый розовато-лиловый свитер. На полпути девочка наклоняется и заглядывает в кухню.

– Привет, – говоришь ты.

Твой голос пугает ее, его и больше всего тебя саму. Его взгляд перескакивает с тебя на дочь. Неужели ты ошиблась? Одно слово, и все пошло прахом. Однако Сесилия подходит к столу и садится напротив.

– Привет, – отвечает она.

Ты делаешь едва заметный взмах рукой. Пытаешься не смотреть, но против воли впиваешься в ее лицо, пожираешь его глазами, выискивая малейшие черты отца. Определенное сходство есть – случайный прохожий на улице догадался бы, что они родственники, – но она не полная копия. Лицо круглее, чем у него, мягче. Усеяно веснушками и обрамлено волнистыми рыжеватыми волосами. Однако глаза – его, тоже серо-голубые с такими же янтарными крапинками по краю радужки.

Он ставит на стол тарелку с тостами. Повернувшись спиной к дочери, поднимает брови: не облажайся.

Ты бы и рада, но понятия не имеешь как. Тебя не готовили к тому, чтобы, сидя на кухне у этого человека, выдавливать из себя дружелюбие по отношению к его дочери.

– Я Рейчел, – говоришь ты.

Она кивает.

– Сесилия.

– Рада знакомству.

Она слегка улыбается. Подойдя к кухонной стойке, отец берет кофейник и возвращается к столу.

– Хорошо спала? – спрашивает он.

Девочка кивает, глядя на пустую тарелку. Ты смутно припоминаешь себя по утрам в ее возрасте: вялая, ни капли не голодная и уж точно не расположена к общению. Отец наливает себе кофе и ставит кофейник у края твоей салфет-

ки. Предлагает – приказывает – угощаться. Ты наполняешь кружку. Поднося ее к губам, замечаешь сбоку слова, напечатанные большими черными буквами: «Лучший папа на свете».

За столом лучший папа тянется к дочери, берет прядь ее волос и щекочет ей ноздри. Сначала девочка никак не реагирует, но после третьего раза мягко шлепает его по руке и смеется вопреки своей серьезности.

– Перестань!

Он улыбается – не то ей, не то самому себе. Видно, что отцу и дочери комфортно друг с другом.

Он ее любит. Это ясно даже тебе.

Такова любовь: она делает людей слабыми.

Предоставленная самой себе, ты закрываешь глаза, делаешь первый за долгие годы глоток кофе и переносишься назад во времени, к началу того дня, когда он тебя похитил. Затем еще дальше, к летней стажировке в отделе новостей, где усталые сотрудники бегали к кофемашине до самого вечера. Ты вспоминаешь каждое посещение кофейни: в том, что касалось кофе, ты никогда не питала пристрастия к одному виду. Перепробовала все мыслимые варианты: кофе в пакетиках, флэт-уайт с двойным эспрессо, латте с сиропом из фундука, капучино с дополнительной пенкой... Все, что готов был предложить мир.

Когда ты вновь открываешь глаза, девочка изучает этикетку на контейнере с маслом. «Веди себя естественно». Ты

тянешься за ломтиком тоста, опускаешь себе на тарелку. Прежде чем взять тупой нож, косишься за безмолвным одобрением на самого лучшего на свете папу. Дочь откладывает чтение упаковки, и ты намазываешь хлеб маслом. Затем добавляешь слой джема, словно это суший пустяк, словно не ты в первый раз за пять лет решаешь, сколько съесть. Аккуратно, не вызывая подозрений, откусываешь.

Джем такой сладкий, что горло слипается. Острая боль пронзает зубы. Ты сто лет не посещала стоматолога и боишься думать о проблемах во рту: кариес, гингивит... Реши ты воспользоваться зубной нитью, десны наверняка начнут кровоточить. Тост причиняет боль, но он такой теплый, хрустящий и масляный, а ты так чертовски голодна, так давно позабыла ощущение сытости... Голод годами копился где-то между пустым желудком и тазом, и ты не в силах перестать есть, пока не восполнишь все калории, недополученные в сарае.

– Записку для мисс Ньюман взяла?

Голос отца возвращает тебя на кухню. К твоим рукам на столе, к ногам на полу, к этому мужчине и его дочери, их обычным утренним ритуалам. Сесилия подтверждает, что записка для мисс Ньюман у нее. Они продолжают болтать: о предстоящей контрольной, о том, что вечером Сесилия пойдет на урок рисования, а отец заедет за ней в пять тридцать.

Ты не знала, что отцы бывают такими. Как бы глубоко ни

копалась в прошлом, ты не можешь вспомнить, чтобы кто-то готовил тебе завтрак, играл с твоими волосами, знал имена учителей и расписание занятий. Твой отец уходил на работу ни свет ни заря и возвращался после ужина в костюме, с портфелем в руке, усталый, но довольный. Он находил время на вас с братом, на игры и школьные спектакли, на воскресенья в парке. Но вы были строчкой в его списке дел. Еще в детстве ты поняла: если ему не напоминать об отцовских обязанностях, он и думать о них забудет. Ты ощущала себя вещью из химчистки, которую никто не удосужился забрать...

Лучший на свете папа допивает кофе. Дочь откладывает недоеденный кусочек тоста. Они встают.

– Пять минут, – говорит он.

– Знаю.

Она исчезает наверху. Как только звук закрывшейся двери ванной достигает кухни, он поворачивается к тебе.

– Иди. Живо.

Делает знак шагать по лестнице и следует за тобой по пятам, почти вплотную. Ты возвращаешься в спальню. Ему не нужно просить, чтобы ты подошла к батарее. Ты садишься на пол и поднимаешь правую руку. Он достает из кармана наручники, закрепляет один браслет на запястье, другой – на металлической трубе. Двигает вверх-вниз, проверяя надежность крепления.

– Я отвезу ее в школу, а потом мне нужно на работу. Хочу

кое-что тебе показать.

Он извлекает из кармана телефон. Раньше ты его не видела. Экран гораздо больше, чем у тех, что выпускали пять лет назад.

– В доме есть камеры. В этой комнате, у входной двери, везде. Скрытые. Они привязаны к приложению.

Он несколько раз касается экрана, затем поворачивает к тебе. Это не картинка с камеры – тебе он ее не покажет, слишком большой риск. Это онлайн-видео. Демо.

Звук едва слышно. На видео – вход в дом. Ты наблюдаешь, как женщина открывает и закрывает дверь. В правом нижнем углу экрана появляется красный значок.

Ты жадно разглядываешь дом, дверь и женщину, входящую в жилище, которое на самом деле ей не принадлежит. Технологии. Его глаза и уши.

Ты стискиваешь челюсти. Сарай. В сарае у него не было глаз. Когда ты оставалась одна, то могла читать. Могла прилечь. Или сидеть. Могла делать все, и он не знал, когда и чем ты занималась. Пустяк, но хотя бы такая малость принадлежала тебе.

«Я надеялась, здесь будет лучше». Ты тут же проклинаешь себя за подобную мысль. «Лучше» – не то, что тебе позволено. «Лучше» – всего лишь сказка.

Экран гаснет. Он убирает телефон.

– Если что-нибудь сделаешь – закричишь или сдвинешься с места, или я увижу, что кто-то заявился узнать, всё ли в

порядке, мне придет уведомление. И я не обрадуюсь. – Он смотрит на окно спальни, задернутое шторой. – Я работаю поблизости. Тебе ясно?

Ты отвечаешь «да», однако ему этого недостаточно. Он становится на колени рядом, берет тебя за подбородок, заставляет поднять взгляд. Хочет увидеть в твоих глазах, что ты ему веришь, а он может доверять тебе.

– Ты знаешь, кем я работаю?

Зачем он спрашивает? Разве не помнит, что никогда не говорил?

Ты пытаешься качнуть головой. Нет.

– Я электролинейщик. – В ответ на твой недоуменный взгляд он возводит глаза к потолку и добавляет: – Тебе известно, кто это?

Из-за его напористости тебя одолевают сомнения.

– Примерно.

– Я ремонтирую и обслуживаю линии электропередачи. Никогда не видела никого из нас наверху?

Ты отвечаешь, что так и думала. Работа подходит ему как нельзя лучше. Целый день сидеть на столбе, где от смертоносной силы тебя отделяет только слой резины.

– Город маленький, – продолжает он. – Когда я работаю, просто невероятно, насколько далеко оттуда видно.

Он отпускает твое лицо, смотрит вверх, будто сквозь потолок. Ты представляешь его: на заднем плане верхушки деревьев, мимо пролетают птицы. Он возвращается к своему

телефону. И на этот раз показывает картинки из поисковой выдачи. Люди на тросах, одна нога упирается в вершину сорокафутового столба, другая висит в воздухе. Каски и толстые перчатки. Мешанина шкивов и креплений. Ты чувствуешь на себе его взгляд. Он дает несколько минут хорошенько вникнуть, затем убирает телефон.

– Сверху все видно. – Его взгляд устремляется к окну. – Любую улицу. Любой дом. Дороги. Людей. – Он вновь глядит на тебя. – Я вижу все. Ясно? Наблюдаю, даже когда никто не подозревает. Я всегда начеку.

– Все понятно. Правда. – Если б у голоса были руки, ты сложила бы их в клятвенном жесте.

Он смотрит на тебя несколько секунд, затем идет к двери.

– Подожди!

Его палец прижимается к губам. Ты понижаешь голос.

– Мои вещи. – Ты дергаешь наручники, подчеркивая тот факт, что ты здесь, а твои книги там, вне досягаемости. Он поднимает их, бросает кучей рядом с тобой. – Спасибо.

Глянув на часы, он выходит. Звук шагов, затем его голос снизу: «Готова?»

Сесилия, наверное, кивает. Входная дверь открывается и хлопает. Заводится двигатель, гул мотора тает в воздухе.

Тишина. Но не безмятежная, а пустая, гнетущая, неудобная, как колени незнакомца. Комната кажется огромной и крошечной одновременно. Как будто стены скользят навстречу друг другу, пространство сжимается, смыкается во-

круг тебя.

Ты закрываешь глаза. Вспоминаешь сарай, твердый пол под головой, мир из деревянных досок. Прижимаешь ладони к глазам, потом накрываешь уши. Воздушный поток, проникающий извне, напоминает шум внутри ракушки.

Ты здесь.

Ты дышишь.

Насколько ты можешь судить, сегодняшнее испытание пройдено.

Глава 14

Эмили

Когда после смерти жены Эйдана ее родители по неизвестной причине выставили зятя из дома, судья Бирн сдал ему в аренду собственный небольшой домик за городом, на берегу Гудзона. Насколько я слышала, судья сильно урезал арендную плату – предложение, от которого нельзя отказаться. Целиком в его духе.

Судья считает себя клеем, на котором держится город. Ни одна свадебная церемония в радиусе десяти миль не обходится без его участия с тех пор, когда меня еще на свете не было. В сложные времена судья Бирн тут как тут. Всегда находит время поговорить. Всегда придет на помощь, даже если ты против.

Вот почему три дня назад на городской страничке в соцсети судья предложил провести благотворительный забег на 5 километров. «Эйдан, наш любимый мастер на все руки и в целом отличный парень, только что потерял жену и дом. Ему до сих пор приходят невероятные медицинские счета, а ведь он еще растит дочь. Эйдан слишком горд, чтобы жаловаться, но я знаю, что этому человеку помощь не повредит».

Идею горячо поддержали. Какой-то доброволец из пожарных нарисовал маршрут со стартом и финишем в центре го-

рода. Гарсия, владельцы магазина органических продуктов, предложили бумажные пакетики с изюмом и апельсиновыми дольками. Дети из моей бывшей школы вызвались раздавать стаканчики с водой. Папы объединились в команду помощников на трассе. Все так хотели помочь, что почти забыли о конечной цели и взносе за участие в забеге – минимум пять долларов, дополнительные пожертвования приветствуются. Вся сумма пойдет Эйдану и его дочери на оплату счетов, аренды, расходов на похороны и прочего.

Могу представить, как Эйдан Томас наблюдал за усилиями жителей, кинувшихся ему помогать. Вряд ли подобное внимание его обрадовало, но, не желая показаться невежливым, он хранил молчание.

До сегодняшнего дня.

Мне уже попадалась на глаза страничка Эйдана, хотя мы не в друзьях. У него всего три контакта, включая аккаунт покойной жены. Однако я сразу же узнала его по фото. Вернее, не его фото, а просто живописный снимок замерзшего Гудзона, сделанный с холма у гостиницы.

«Огромное спасибо всем! Мы с Сесилией вам очень признательны», – написал он под постом судьи.

Комментарий, опубликованный два часа назад, лайкнули уже больше пятидесяти человек. Некоторые даже ответили сердечками или заботливыми эмодзи: маленькие мультяшные ручки сведены в виртуальном объятии.

Я у себя в спальне, вожу указательным пальцем по тачп-

эду ноутбука. Прокручиваю в голове, как на экране, один и тот же кадр: голубые глаза Эйдана наблюдают за мной сквозь стакан «Девственного Олд Фэшн». Наш секрет.

Я нажимаю «Оставить комментарий» и печатаю. Останавливаюсь. Начинаю заново. Опять останавливаюсь.

Меньше всего я хочу показаться назойливой.

Нет, неправда.

Меньше всего я хочу выглядеть безразличной.

«“Амандин” с удовольствием поддержит участников забега (а также болельщиков). Как насчет горячего какао на финише?»

Каждый год к рождественскому параду в ресторане готовят горячее какао. Ничего страшного, если в этом году поставим диспенсер чуточку раньше. В день забега для меня найдется занятие и повод быть рядом.

Я перечитываю комментарий и нажимаю «Отправить».

Собираясь к вечерней смене, поглядываю, нет ли обновлений. Когда я уже готова к выходу, в правом верхнем углу экрана всплывает уведомление.

Два комментария.

Один от миссис Купер, которая несколько лет назад переехала сюда с мужем и двумя детьми. «Великолепная идея!» – написала она. Миссис Купер всегда чересчур полна энтузиазма, вечно боится, как бы ее семья не осталась в стороне.

Второй комментарий – от него. Слишком короткий. У меня в груди все панически сжимается: вдруг он счел затею

глупой, вдруг я перегнула палку, вдруг этого недостаточно? Затем я перечитала заново, не торопясь, смакуя каждое слово.

«Очень любезно с твоей стороны».

И дальше, с новой строки:

«По-моему, звучит заманчиво».

Глава 15

Женщина в доме

Ты возишься около радиатора, отыскивая наименее неудобное положение. Если привалиться спиной к стене, можно вытянуть ноги.

Закрываешь глаза, прислушиваясь к звукам с улицы. Стук дятла. Птичьи голоса. До похищения ты начала изучать певчих птиц. Нашла книгу с перечнем видов и описанием их трелей. В теории все выглядело понятным, но тебе никогда не удавалось точно опознать пернатых по голосам, даже после многолетней практики в сарае. Для твоих городских ушей любая птица – это просто птица.

Когда возвращается пикап, квадрат света вокруг штор уже потускнел. Двери открываются и хлопают. Из кухни долетают обрывки фраз: «домашнее задание», «ужин», «телевизорина». Чьи-то шаги на лестнице. Шумит унитаз, поют трубы в ванной. По дому растекается запах еды – густой, горячий, маслянистый.

Он предупреждал: ужин будет не каждый вечер. Завтрак – не каждое утро. В нужное время он придет за тобой. Но сегодня первый вечер. Поэтому сегодня он появляется.

Ты уже выучила все па. Он снимает наручники, велит пошевеливаться. Ты встаешь, пару раз сгибаешь колени, расти-

раешь ступни. Внизу стол накрыт так же, как и утром, вместо кофейных кружек – стаканы с водой. Он открывает духовку, проверяя содержимое.

– Сесилия!

Мужчина у себя дома, накрывает на стол. Кормит своего ребенка. Отец.

Он толкает тебя локтем, мол: «Чего ждешь?» Ты садишься на место, отведенное тебе за завтраком.

Сесилия спускается по лестнице, подавляя зевок. Ты помнишь себя в ее возрасте, как утомительно было всему учиться, читать кучу книг, запоминать кучу математических формул. Перед тобой открывался мир, тебя целиком поглощала задача выяснить – в перерывах между занятиями, на перемещениях, – каким человеком ты хочешь стать и как этого достичь.

Девочка останавливается у входа в гостиную и направляет пульт на телевизор. Комнату наполняет музыкальная заставка – медно-духовые инструменты, ритмичная мелодия, – затем раскатистое: «Это-о-о “Джеопарди!”⁸» На экране появляются участники: Холли из Силвер-Спрингс, Джаспер из Парк-Сити и Бенджамин из Баффало. В студию входит мужчина в костюме и галстуке.

– Встречайте ведущего «Джеопарди!» – Алекса Требека.

У тебя немеют руки, ноги и ступни покалывает. Дом ты еще можешь вынести. Даже Сесилию, ее молодость, тайны ее жизни. Присутствие дополнительного человека в комна-

⁸ В России эта телевикторина известна как «Своя игра».

те. Но телевизор... Люди, отвечающие на вопросы за деньги; Алекс, приветствующий Холли, Джаспера и Бенджамина будто старых друзей... Это уж через край. Слишком сильное столкновение с внешним миром. Слишком явное свидетельство того, что мир продолжает существовать без тебя.

В гостиной отец подходит к дочери, обнимает за плечи. «Раньше твой отец тоже так делал, – раздается у тебя в голове, – по-приятельски притягивал к себе...»

– Ужин готов.

Сесилия поднимает умоляющий взгляд.

– Только первый раунд? Пожалуйста?

Отец вздыхает. Смотрит на тебя. Возможно, отвлекающий фактор – не такая уж плохая идея. Чтобы девочка сосредоточилась на телевизоре, а не на новой гостье.

– Убавь громкость, и пусть работает в фоновом режиме.

Сесилия вскидывает брови. На секунду она – копия отца: та же подозрительность, ожидание подвоха, обмана. Не желая испытывать судьбу, она направляет пульт на телевизор, голос Алекса превращается в слабое бормотание. Сесилия еще немного возится с кнопками. Внизу экрана всплывают субтитры. Умная девочка.

Обернув руки кухонным полотенцем, отец ставит керамическое блюдо в центр стола рядом с нарезанной буханкой чесночного хлеба. Сесилия наклоняется и делает вдох.

– Что это?

– Вегетарианская лазанья, – сообщает он и садится.

Девочка накладывает еду отцу, потом себе, затем смотрит на тебя, вопросительно подняв ложку. Ты передаешь свою тарелку и берешь кусочек чесночного хлеба. Сесилия некоторое время изучает тебя, пока отец не указывает на телевизор. Там категория «Дела сердечные». На кону восемьсот долларов. Скрытые титры дублируют вопрос, который Алекс читает с карточки: «Это происходит, когда вокруг сердца скапливается опасное для жизни количество жидкости».

– Тампонада, – говорит отец. Не с вопросительной интонацией – просто констатирует факт.

Бенджамин из Баффало дает тот же ответ. К его сумме добавляется восемьсот долларов.

– Так нечестно, – возмущается дочь. – Ты это изучал!

Насколько тебе известно, человек с ключом от сарая, от твоей спальни, – не доктор. Здесь кроется какая-то история. Нереализованные амбиции, изменение планов. Прежде чем ты успеваешь придумать, как по-хитрому разузнать больше, Бенджамин из Баффало выбирает категорию «Прозвища» за двести. Алекс читает: «Его также называли “тихим битлом”».

Что-то шевелится в памяти. Знания из прошлого. Песни, которые ты пела. Компакт-диски, которые таскала из домашнего кабинета отца. Первые аккорды It's All Too Much, искаженный визг электрогитары.

Отец с дочерью беспомощно переглядываются. И вдруг – твой голос:

– Не Джордж Харрисон?

Бенджамин из Баффало называет Джона Леннона – и промахивается. Джаспер из Парк-Сити выбирает Ринго. Холли из Силвер-Спрингс даже не пытается. Когда время истекает, Алекс делает грустное лицо. «Не Джон и не Ринго, – высвечивается в субтитрах. – Правильный ответ... Джордж Харрисон».

Сесилия посылает тебе улыбку, словно говоря: «Молодец». Дождавшись, пока она отвернется к экрану, отец вопросительно вскидывает бровь. Ты пожимаешь плечами. «Что? Ты просил вести себя нормально». Он вновь поворачивается к телевизору, где Бенджамин опять выбрал категорию «Прозвища», на сей раз за четыреста.

«Этот культовый британец родом из лондонского Брикс-тона известен среди прочего как «изможденный белый герцог». Назовите его настоящее имя».

Холли из Силвер-Спрингс нажимает кнопку и кусает губы. Тебя захлестывают новые воспоминания: нарисованная на лице молния в один из Хеллоуинов. Трепет в груди, когда ты влюбилась в худощавый силуэт, тонкие губы, гипнотический взгляд. Ты быстро проглатываешь кусок лазаньи и отвечаешь:

– Не Дэвид Джонс?

На экране Холли колеблется, пока время наконец не истекает. Она виновато улыбается Алексу, который ждет, не испытают ли удачу двое других, а затем объявляет: «Правиль-

ный ответ – Дэвид Джонс... Также известный как Дэвид Боуи».

Сесилия вновь поворачивается к тебе.

– Откуда ты знаешь?

Ты не видишь причин для обмана.

– Мне очень нравится музыка.

Девочка ерзает на стуле.

– О... Мне тоже.

Отец перестал есть, его вилка покоится на краю тарелки.

Взгляд переходит с тебя на Сесилию и обратно, будто на теннисном матче.

Ты вспоминаешь еще кое-что: как радовалась в ее возрасте, когда учитель разрешил сделать презентацию о Шер. Как глаза расширились от восторга при упоминании Боба Дилана. Как музыка мгновенно помогала сблизиться, покончить с разрушительным одиночеством, наступившим в тринадцать лет.

Ты улыбаешься ей. Девочке, которая наполовину его, которой нельзя знать о темных делишках отца.

– Кого слушаешь? – интересуешься ты.

Она задумывается. Раньше ты любила и ненавидела этот вопрос в равной мере. Любила, потому что эти имена тебе никогда не надоедали: «Пинк Флойд», Боуи, Патти Смит, Джимми Хендрикс, «Роллинг Стоунз», «Аэросмит», «Битлз», «Дип Пёрпл», «Флитвуд Мэк» и Дилан. Ненавидела, потому что боялась назвать неправильное имя и выдать себя

как очередную девочку-подростка, а не знатока рока.

Сесилия называет несколько имен: Тейлор Свифт, Селена Гомес и Гарри Стайлс. Они только начинали, когда ты исчезла. Таланты, расцветшие в твое отсутствие.

– Здорово, – говоришь ты. В прошлой жизни тебе всегда было непросто в разговорах с другими людьми, с новыми друзьями, выражать одобрение без нотки снисходительности.

Она кивает.

– А ты?

Ты чувствуешь испепеляющий взгляд отца. Если потом он спросит, ты скажешь, что так ведут себя нормальные люди. Разговаривают. Делятся тем, что любят больше всего.

Называешь несколько имен:

– «Роллинг Стоунз» – их я даже видела живьем в две тысячи двенадцатом году. «Бич Бойз». Сестры Пойнтер. Элвис, хотя его, наверное, любят все. И Долли Партон. Я обожала Долли в юности. Умоляла родителей свозить меня в Долливуд каждое ле...

Словно богохульство в церкви. Запинка в заклинании. Ты сбиваешься с мысли. «Мои родители...» Ты впервые упомянула их в его присутствии – людей, у которых он тебя забрал.

Ты жила своей жизнью. Студентка колледжа накануне выпуска. У тебя были курсовые, дела, друзья, работа. Но ты все еще оставалась их дочерью, нравилось это тебе или нет. Вы по-прежнему вместе обедали каждую неделю. Обменива-

лись сообщениями и телефонными звонками. Делились новостями.

Сесилия прочищает горло, тянется к сервировочной ложке, давая тебе время собраться. Ты попробуешь еще раз:

– ...каждое лето. Но так и не сложилось.

Вывалив ложку лазаньи себе на тарелку, девочка вновь поднимает на тебя взгляд, и ты готова расклеиться. Прошло столько времени с тех пор, как кто-то смотрел на тебя так. С добротой. С пониманием. Словно ты и твои чувства – не пустое место.

Ты не знаешь, о чем она думает. Возможно, что ты поссорилась с родителями или что они умерли, не успев свозить тебя в Долливуд. Какую бы историю девочка себе ни сочинила, она старается изобразить понимание.

– Ну, – говорит Сесилия. – Теперь ты можешь поехать, когда сама захочешь.

Уставясь в тарелку, ты произносишь:

– Точно. Когда сама захочу.

Позже, когда отец отправляет Сесилию чистить зубы, девочка украдкой косится в твою сторону. Как стажер, который только что нашел с кем сесть рядом в первый рабочий день. Как забытый всеми двоюродный брат на похоронах, который с облегчением нашел собеседника на время службы.

Ты видела подобный взгляд раньше. Это глаза человека, который одинок и страдает.

Глава 16

Сесилия

Иногда горло будто сжимает тисками. Мне хочется кричать или поколотить что-нибудь. Не кого-нибудь, нет. Что-нибудь.

Отец, узнай он об этом, покачал бы головой так, что мне захотелось бы провалиться под землю. Мама обычно говорила ему: «Нельзя же ко всем предъявлять столь высокие требования. Она еще ребенок. У нее вся жизнь впереди, чтобы стать похожей на тебя».

Когда больше нет сил терпеть, я иду в лес у кладбища на холме, нахожу дерево и несколько раз пинаю его ботинком. Вначале потихоньку, затем с каждым ударом все сильнее. Отец не в курсе, само собой. Я делаю это между школой и кружком рисования, чтобы он не видел. У него и без меня сейчас забот полон рот.

Сначала мама, а теперь Рейчел.

Он рассказал о ней еще до того, как мы переехали. Якобы подруга друзей. Неважно. Мне все равно, кто она такая, главное – она будет жить с нами в новом доме, который и без того не внушает особой радости.

Отец говорит, Рейчел нужна помощь. У нее кое-какие трудности. Я спросила, какие именно. Он не стал вдаваться в

подробности, добавил только, что она пострадала и ей больше не к кому обратиться. Поэтому мы сдадим ей лишнюю комнату в доме судьи, будем есть с ней за одним столом и все такое.

Я не сказала отцу, что у меня тоже трудный период и я не в восторге от идеи совместных застолий с незнакомцами, но так и быть.

«Рейчел пришлось нелегко. Так что не приставай к ней. Не задавай вопросов. Не стесняй ее. Прояви такт и уважение».

Мне хотелось ответить: «Да легко, я в любом случае не горю желанием подружиться с первой встречной». Но это было бы бестактно. Папа отзывчивый человек. Очень любезно с его стороны помочь Рейчел, особенно сразу после того, как моя мама – его жена – умерла. Поэтому я сказала: «Хорошо» – и пообещала сделать все возможное.

Я не тупая и в курсе, что немного странно селить в доме незнакомку, едва умерла твоя супруга. Сперва я решила, что Рейчел – его девушка или кто-то в этом роде. Видела такое в кино. Я много смотрю телевизор и знаю, что делают мужья после смерти жен. Они продолжают жить. Конечно, я не ожидала, что отец начнет новую жизнь так быстро, но вряд ли у меня есть право голоса.

Потом я увидела, как они ведут себя друг с другом, и поняла, что ошиблась. Помню, как родители держались за руки, как мама называла папу «милый», как они смотрели друг

на друга, даже после ссоры. Между отцом и Рейчел ничего подобного. Никаких искр. Никакого трепета. Ничего.

Несправедливо с моей стороны так думать об отце. Он не забыл бы маму столь быстро, не променял бы ни на кого. Он ее любил. Мы до сих пор ее очень любим.

Пока самое удивительное, что Рейчел мне вроде как нравится. Она с прибабахом, конечно, но не в плохом смысле. Я тоже не без странностей, если честно. Рейчел разговаривает со мной не так, как другие взрослые. Она спрашивает о том, что я люблю. И никогда не упоминает мою маму. Приятно для разнообразия, когда со мной не обращаются будто с поломанной вещью.

Прежде чем она переехала, папа обещал, что ее приезд ничего для нас не изменит. Разумеется, многое изменилось. Не в плохом смысле. Просто она живет с нами. Ест с нами. Не знаю, с чего он решил, что все останется по-прежнему. Ему нравится думать, что он может все контролировать, останавливать время... Но все всегда меняется.

К примеру, после маминой смерти у меня какое-то время были проблемы с едой. Теперь ко мне вернулся аппетит. Хуже того: я снова начала получать удовольствие от ужина. Когда мы вдвоем смотрим «Джеопарди!», все как будто по-старому.

С тех пор как приехала Рейчел, я реже чувствую потребность пинать бедное дерево.

Оно наверняка в восторге, а что насчет меня? Как я могу

такое говорить? Мама умерла всего пару месяцев назад. Хорошенькая из меня дочь...

Я не должна забывать о скорби. Мне по-прежнему должно быть больно.

Рейчел мне нравится, но я немного ее ненавижу за то, что разогнала мою хандру.

А вообще я рада, что они с отцом не спят вместе.

Глава 17

Женщина в доме

Когда в доме воцаряется темнота, он приходит.

Его поведение здесь почти идентично тому, что было в сарае. Он вздыхает. Оглядывает тебя с головы до ног. Ему не нужно ждать, пока ты поешь или воспользуешься ведром. Вместо этого он снимает наручники, жестом велит лечь на кровать. Затем, передумав, говорит вернуться на пол. Ты сбита с толку, но подчиняешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.